

БЕТ КОВЭН-ЭРСКИН
ПОМЕСТЬЕ
ЛОК-ДАУН

ОДИН ИЗ НИХ —
УБИЙЦА

Бет Коуэн-Эрскин
Поместье Лок-Даун
Серия «Национальный
бестселлер Британии»

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69138394
ISBN 978-5-04-185960-2

Аннотация

Никого не впускать. Никого не выпускать. Один из нас – убийца.

Шотландия, 30-е годы прошлого века. В родовом поместье Лох-Даун уже более 600 лет проживает погрязший в ссорах и обидах клан Инверкилленов. Состояние семьи значительно преуменьшилось за прошедшие столетия, и они вынуждены заниматься недостойными аристократов делами: продавать лосось и производить дрянной виски. Только ничего из этого не выходит, а в довершение ко всему в реке находят тело 19-го графа с проломленной головой.

Расследование поручено незадачливому инспектору Джарвису, который быстро списывает произошедшее на несчастный случай. Ведь в маленьких городках не происходит преступлений, только драки в пабах. Единственный, кто не согласен с таким заключением – наблюдательная экономка

миссис Макбейн. Ей известно гораздо больше тайн благородного семейства, чем кому-либо другому. Она уверена – произошло убийство, и убийца прячется в доме у всех на виду.

Бет Коуэн-Эрскин, как никто другой, знает, о чем пишет, ведь через мужа она породнилась с одним древним шотландским кланом, который и послужил источником вдохновения для этой книги.

«Занимательная история и увлекательное погружение в странные и поразительные обычаи британской аристократии». – Си Джей Беннет, автор бестселлера «Виндзорский узел»

Содержание

Предисловие	7
Действующие лица	8
Апрель	10
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Бет Коуэн-Эрскин

Поместье Лок-Даун

Beth Cowan-Erskine

LOCH DOWN ABBEY

© Beth Cowan-Erskine, 2021

First published in the English language by Hodder & Stoughton, an Hachette UK Company

© Новоселецкая И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

*Посвящается моей матери Терезе.
Она всегда говорила, что я
прирожденная рассказчица.*

Предисловие

Поместье Лок-Даун – особняк близ городка Инверкиллен, раскинувшегося на берегу озера Лок-Даун в глубине Северо-Шотландского нагорья. На территории поместья протекает река Плейд – источник воды для производства местного виски, но в первую очередь она славится как рыболовецкое угодье, где в обилии водится лосось. Время действия – апрель одного из 1930-х годов. Ходят слухи, что по стране распространяется некая загадочная болезнь. Очень заразная болезнь, уже выкосившая сотни человек. Но, поскольку умершие в большинстве своем англичане, нас это не касается.

Действующие лица

СЕМЕЙСТВО ОГИЛВИ-СИНКЛЕР

Мать семейства

Леди Джорджина – вдовствующая графиня Инверкиллен

Ее дети

Лорд Хэмиш Инверкиллен – 19-й граф Инверкиллен, сын леди Джорджины. Женат на леди **Виктории**

Почтенный майор Сесил Огилви-Синклер – второй сын, супруг покойной **маркизы Драйздейл**, ныне вдовец

Леди Элспет Комтуа – супруга **Филиппа, маркиза Клерво**

Ее внуки

Лорд Ангус Темплтон – наследник графского титула, женат на леди **Констанции**

Почтенный Фергюс Огилви-Синклер – помолвлен с **Евой Зандер-Биттерлинг**

Леди Аннабелла (Белла) Данбар-Гамильтон – супруга почтенного **Хью Данбар-Гамильтона**

А ТАКЖЕ

Воспитанница – **Айрис Уинфорд**, родители неизвестны

Домашние питомцы – немецкий короткошерстный пойнтер по кличке Грантэм и черный лабрадор по кличке Бел-гравия

Правнуки – ершистый подросток, трое маленьких французиков и трое маленьких шотландцев

ПРИСЛУГА

Дворецкий – **Хадсон**

Старшая экономка – **миссис Макбейн**

Камердинер – **мистер Маккей**

Камеристка – **мисс Максвелл**

Первый ливрейный лакей – **Олли**

Няня – **мисс Маккензи**

Шофер – **Локридж**

Кухарка – **миссис Бернсайд**

Егерь – **Росс Макбейн**

Винокур – **старик Мактавиш**

Прочая многочисленная челядь

ПРОЧИЕ ЛИЦА

Мистер Эндрю Лолис – адвокат

Имоджен Маклауд – его секретарь

Преподобный Малькольм Дуглас – священник

Инспектор Джарвис – сотрудник местной полиции

Томас Кеттеринг – искусствовед из Лондона

Апрель

Утром они возвращались домой с безумно скучного бала. Из-за выпитого накануне виски долгая дорога казалась еще более утомительной. Леди Аннабелла Данбар-Гамильтон, дочь графа и графини Инверкиллен, уже не в первый раз недоумевала, зачем они вообще туда поехали. Да, посещение весеннего бала в доме Макинтайеров считалось семейной традицией, но ведь она была замужем, ее братья – женаты. Точнее, самый младший брат наконец-то обручился, и свадьба должна состояться всего через пять недель.

Также непонятно, зачем их принудили взять с собой на бал детей. Невозможно расслабиться, когда малыши носятся как угорелые. Обычно няня спуска им не давала, но заметив, что дети крадут колбасу со столов, под которыми потом прячутся, леди Аннабелла заподозрила, что няня с избытком угостилась виски, коего на балу было в изобилии. Доказательств, конечно, она не имела, но ее это не смущало: в их кругу бытовало мнение, что прислуга не забывает побаловать себя спиртным, когда хозяева не смотрят. Следует ли поговорить с ними об этом? До того, как подадут чай, ей надо принять ванну, ну а потом уж она решит. *Господи, когда мы уже приедем?* Поездки ее изматывали.

Но вот они, слава богу, приехали. Белла, как ее называли, бесстрастным взглядом окинула особняк, в котором она

жила с рождения. Лок-Даун – родовое гнездо клана Огилви-Синклер на протяжении шести столетий – стоял на берегу одноименного озера. Во дворе у парадного входа, выстроившись в ряд, их встречала прислуга.

Белла легким шагом проскользила мимо горничных, не обращаясь ни к кому конкретно из них:

– Няне нездоровится. Пожалуйста, помогите ей отвести детей в детскую и затем распакуйте мои чемоданы. – Потом взгляд Беллы упал на экономку: – Миссис Макбейн, по-моему, я порвала подол бального платья, его надо починить. Мы танцевали «Обдери иву»¹ и заплясались – вы же знаете, каким бывает лорд Низден. Я точно слышала треск рвущейся ткани. Надеюсь, ничего серьезного. Платье только что доставили из Эдинбурга.

Присев в реверансе, горничные ждали, когда господа прошеествуют через большую каменную арку и войдут в дом. Лишь после этого они посмели пошевелиться.

На слуг хозяева никогда прямо не смотрели. Считалось, негоже им сближаться с челядью. Тех, кто прислуживал им лично – помогал одеваться и так далее, – они звали по именам. Все остальные, служившие в доме, были взаимозаменяемы. Как шахматные фигуры. Мейзи, Дейзи, еще как-то... Лейзи? Белла их имен не запоминала. Дочери графа нет нужды помнить прислугу по именам.

Она вошла в оружейный зал, занимавший центральное

¹ «Обдери иву» (Strip the Willow) – быстрый шотландский народный танец.

пространство в доме. Возведенный в первое десятилетие XVI века, зал представлял собой длинное помещение с высокими сводами; стены украшала внушительная коллекция старинных доспехов и оружия, принадлежавших разным представителям их рода. По одной из дубовых лестниц – левая предназначалась для членов семьи, правая – для гостей – Белла поднялась на второй этаж и пошла по отделанной резьбой деревянной галерее, где горделиво красовался герб Инверкилленов в окружении палашей и боевых топоров побежденных ими врагов. За этой великолепной коллекцией охотилось немало музеев, но всеобщую зависть вызывал потолок оружейного зала. В Шотландии Лок-Даун являлся одним из немногих особняков, который мог похвастать сводчатым потолком, расписанным сценами охоты. Предание гласило, что росписью занимался сам Гольбейн², после того как Генрих VIII упомянул, что хотел бы использовать этот особняк в качестве охотничьего домика. Разумеется, в Шотландию король не приехал, поскольку страны враждовали, но 7-й граф Инверкиллен по глупости едва не разорился, обустроив дом к визиту монарха, который так и не состоялся. К счастью, 8-й граф удачно женился на некой датской принцессе сомнительного происхождения по отцу, за которой дали более чем щедрое приданое. Их брак устроила 7-я графиня. В роду Инверкилленов героями зачастую были имен-

² Ганс Гольбейн (1497–1543) – великий немецкий художник, который создал одни из самых известных портретов Генриха VIII и его жен.

но женщины, но на стенах почему-то висели исключительно мужские портреты.

Впрочем, Белла никогда на них не смотрела. Она выросла среди этих полотен и воспринимала их просто как неясные пятна, когда переходила из комнаты в комнату. Картины, гобелены, предметы искусства, собранные за несколько веков... что на них смотреть? Все ведь так живут, разве нет? Все, кого она знает.

У арочного входа в коридор Белла обернулась. Одна из горничных и два лакея вели детей в глубь дома. От звонких голосов, эхом разносившихся по оружейному залу, голова у нее разболелась еще больше. Порой они могли быть очень шумными. Ей не терпелось погрузиться в горячую ванну.

Она свернула в облицованный панелями темный коридор, направляясь в свои покои. По пути ей встретилась камеристка матери, быстро присевшая в неуклюжем реверансе. Белла ей кивнула. Максвелл с хозяевами на балы никогда не ездила – странное решение, непонятное ни Белле, ни самой служанке. Правда, Максвелл это только радовало: у нее выдавался свободный вечер, да и на следующее утро можно было подольше поваляться в постели. Она дождалась, пока леди Аннабелла минует ее, и поспешила к черному ходу. Вообще-то, Максвелл собиралась воспользоваться парадной лестницей, но теперь, когда господа вернулись, это уже было исключено. Она нырнула за обитую зеленым сукном дверь³ и по вин-

³ В прошлом в английских и шотландских особняках обитая зеленым сукном

товой лестнице спустилась на нижний этаж. Выйдя из потайной двери, Максвелл замерла на месте, потому как мимо шли лорд Инверкиллен и его сыновья. Камеристка отметила недовольный вид лорда.

– Ангус, Фергюс, идите за мной! – рявкнул тот.

Не просьба, а приказ, причем не в самой вежливой форме. Он прошествовал в географический зал, ни разу не обернувшись, чтобы проверить, услышали ли его сыновья. Обменявшись неуверенными взглядами, братья последовали за отцом. Ангус шумно вздохнул. Максвелл на мгновение задумалась, что же все-таки случилось на балу, а потом, торопливо пройдя через оружейный зал, вышла на улицу и встала рядом с миссис Макбейн. Вдвоем они наблюдали, как леди Еве, невесте Фергюса, помогали выбраться из автомобиля. По мнению Максвелл, уж слишком много почестей ей оказывали. Ливрейные лакеи были очарованы девушкой, и она не упускала случая воспользоваться их расположением. Леди Ева прибыла из Лондона несколько дней назад и большую часть времени только тем и занималась, что настраивала против себя домочадцев. Прислуга была привычна к вздорным гостям, даже к капризам целых семей, но леди Ева, видимо, мнила, что сразу после свадьбы станет графиней, и потому отдавала распоряжения направо и налево. Служанки

дверь (чтобы в комнаты хозяев не проникал шум с кухни и прочих служебных помещений – посудомойни, прачечной и т. д.) отделяла господскую половину дома от той, где обитала прислуга.

с ног сбивались, исполняя ее указания. Максвелл подумала про слуг Евы, оставшихся в Лондоне; должно быть, теперь их жизнь стала гораздо спокойнее. На ее лице появилась едва заметная улыбка.

Еву охватывало радостное возбуждение при виде выстроившихся перед домом слуг, встречающих ее автомобиль. Она была уверена – это зрелище ей никогда не наскучит. Однако девушка сомневалась, что поступает правильно, выходя замуж за Фергюса. К сожалению, он был младшим из сыновей лорда Инверкиллена. Запасной игрок, а не наследник, как заметил отец Евы, когда Фергюс попросил ее руки. А ведь его единственное дитя заслуживает только самое лучшее. Но лорд Зандер-Биттерлинг в первую очередь был прагматиком. Его компании поставляли морепродукты во дворец и разные элитные заведения Лондона. Когда за ужином в ресторане «Уайтс» ему объяснили, что именно Фергюс заведует семейным лососевым промыслом, лорд Биттерлинг оттаял, предвкушая солидную скидку на покупку знаменитого лосося.

Еву спешно отправили в Шотландию, где ей выделили, по ее мнению, довольно тесные комнаты на третьем этаже. Ей предстояло следить за подготовкой свадебного торжества, на которое съедутся сливки лондонского общества. Это событие будут освещать все газеты, а если повезет, и «Татлер»⁴,

⁴ «Татлер» (в переводе с англ. буквально «сплетник», «болтун») – британский журнал о моде и светской жизни, основанный в 1901 г.

так что она не намерена отдавать организацию своей свадьбы провинциалам, большинство из которых не бывали нигде дальше своей деревни. Прожив в Лок-Дауне несколько дней, Ева пришла к выводу, что приняла верное решение, приехав пораньше. Тартан⁵ на свадьбе? О боже. Да, в Шотландии это традиция, но даже их парадные клетчатые костюмы ужасны. Нет уж, очень хорошо, что она приехала заранее.

– Миссис Макбейн, прошу вас, зайдите чуть позже в малую столовую, и мы с вами обсудим предварительный список гостей. К четвергу его надо утвердить, чтобы у нас было время приготовить приглашения с гравировкой. Я только сниму шляпку и немного освежусь. – Не дожидаясь ответа, Ева вошла в дом.

Ошеломленная миссис Макбейн на мгновение оцепенела, но, оправившись от изумления, кивнула:

– Как вам будет угодно, миледи.

Она обернулась, оглядывая тридцать-сорок чемоданов и сундуков, которые везли на хозяйственный двор. Вокруг них с лаем бегали домашние собаки Грантэм и Белгравия. «Можно подумать, мне больше заняться нечем», – проворчала про себя миссис Макбейн.

– Всего четыре дня здесь, а ведет себя как хозяйка, – тихо заметила Максвелл, с сочувствием посмотрев на экономку.

– Англичане, что с них взять, – отозвалась миссис Мак-

⁵ Тартан – традиционный шотландский клетчатый орнамент, символизирующий своим узором и цветами определенный клан, местность или организацию.

бейн. Она направилась к парадному входу, раздавая указания горничным: – Займитесь багажом. Я присоединюсь к вам, как только освобожусь. Проследите, чтобы лакеи занесли все вещи сразу в дом. Никаких перекуров. Собаки на улице, а я не желаю повторения того, что было в прошлом году! – Тогда пришлось несколько недель убирать запах мочи с любимого дорожного сундука его светлости.

Миссис Макбейн первой пришла в малую столовую. Она закрыла за собой дверь, и шум, доносившийся из оружейного зала, сразу стих. По привычке женщина обвела взглядом комнату, проверяя, все ли здесь на своих местах, затем расправила юбку и стала смотреть в окно, ожидая леди Еву. Эту комнату миссис Макбейн всегда ненавидела. Узор ковра точно воспроизводил клетку тартана, символизировавшего клан Инверкилленов, а от его расцветки у нее всегда начинала болеть голова. Несколько лет она склоняла леди Инверкиллен к тому, чтобы хозяйственные дела на предстоящую неделю они с ней обсуждали в личной гостиной хозяйки. Теперь, по-видимому, подобную кампанию придется проводить и в отношении леди Евы. Только у миссис Макбейн на этот счет было нехорошее предчувствие: она подозревала, что леди Еву убедить в чем-либо куда труднее. Экономка решила про себя подобрать другую комнату в качестве кабинета для леди Евы. Может быть, веджвудский⁶ зал подойдет.

⁶ Веджвудский зал – по названию знаменитого британского фарфора, изготавливаемого фирмой «Джозайя Веджвуд и Сыновья» (основана в 1759 г.).

Элис Макбейн знала себе цену. Опытная, сведущая экономка, она дослужилась бы до старшего дворецкого, если бы родилась мужчиной, как нередко думала миссис Макбейн. Но, будучи женщиной, на службу в Лок-Даун она поступила горничной, однако очень быстро выбилась в старшие экономки и заведовала хозяйством в особняке уже почти пятнадцать лет. Миссис Макбейн была самой молодой из всех известных старших экономок, о чем все говорили с неким благоговением. В своей вотчине она знала буквально все и управляла ею, как адмирал – флотом.

Отойдя от окна, миссис Макбейн глянула на часы, стоявшие на камине. Прошло уже десять минут. Ей необходимо подготовить все к чаепитию и проверить наличие полотенец в бельеовом шкафу. С возвращением семейства в поместье полотенца разлетались с умопомрачительной скоростью. Прошло пятнадцать минут. Где же леди Ева? День обещал быть долгим.

Миссис Макбейн открыла дверь и выглянула в оружейный зал. Там все еще было шумно. Господа снимали верхнюю одежду, отдавали распоряжения горничным. На гостевой лестнице она заметила майора. «Надо предупредить горничных, чтобы глаз с него не спускали». Майор во время своих визитов любил рыскать по дому, и после него всегда что-нибудь пропадало. Она с прошлого года не могла найти серебряные подставки для яиц в стиле эпохи Регентства⁷.

⁷ Эпоха Регентства в Англии – период английской истории с 1811 по 1820 г.

Майор Сесил Огилви-Синклер мечтал о горячей ванне. Он печально вздохнул, с тоской вспоминая свою медную ванну у себя дома, в замке Стронах. А здесь, в отчем доме, его поселили на гостевом этаже, в комнатах с дрянной ванной, в которой он с трудом уместался. «Не унывай, – сказал он себе, – это временно». В нем снова всколыхнулась давняя обида. По его скромному убеждению, он был более достоин титула лорда, нежели его старший брат Хэмиш. Поднимаясь по лестнице, Сесил вспоминал, какими они оба были в детстве. Хэмиш вечно носился по поместью босым оборванцем, дружил со слугами, причем с самыми неотесанными. Сам же Сесил, напротив, рос образцовым джентльменом – почитал семью и ценил прекрасное. Это он изучал искусство и культуру, читал книги, познавал все, что имело значение. К двенадцати годам в совершенстве освоил игру на рояле. В четырнадцать мог прочесть наизусть почти всего Байрона. И слыл ходячей энциклопедией по французским винам. Конечно, было бы более справедливо, если б титул лорда достался ему, а не его грязному оборванцу брату, для которого что Мане, что Моцарт – все одно. В конечном итоге отец определил Сесила в военные, уговорив своего старого приятеля по оружию взять его младшего сына в свой полк. И Сесил служил рьяно, получил звание майора, рассчитывая, что офицерское жалованье станет существенным дополнением к его ежемесячному содержанию, поскольку отец щедростью

не отличался. Правда, аппетиты Сесила росли, и очень скоро этого дохода стало не хватать на то, чтобы обеспечивать его потребности, и тогда он пустил в ход свой единственный талант (помимо способности тратить деньги) – умение играть в карты.

Именно за карточным столом Сесил нажил свое состояние. Не потому, что успешно играл – картежник он был беспечный, – а как раз благодаря тому, что успешно проигрался подходящему человеку. В игровом зале лорда Элсмера его представили маркизе Драйздейл, единственной дочери покойного маркиза Бертача. Чуть старше его по возрасту, полноватая, она обладала довольно заурядной внешностью, но одевалась элегантно и была гораздо богаче его отца. Сесил проиграл ей больше того, что мог себе позволить, но компенсировал проигрыш бурным романом с маркизой, который обсуждал весь Лондон. Ухаживал он за ней, разумеется, за ее же счет. Через три месяца они поженились, устроив пышную свадьбу в ее шотландских владениях – в замке Стронах. Во время светского сезона они жили в ее лондонском особняке на Риджентс-парк, лето проводили в ее французском поместье в Бордо, имели собственные дома во всех мало-мальски значимых уголках Европы. Но каждую весну Сесил возвращался в Лок-Даун, чтобы присутствовать на балу.

Он уже подходил к своей комнате, как вдруг услышал, что его зовут. Обернувшись, Сесил увидел на лестничной пло-

щадке запыхавшегося лакея.

– Прошу прощения, сэр, но вдовствующая графиня хотела бы побеседовать с вами.

– Что, прямо сейчас? – раздраженно рявкнул Сесил. Сейчас ему было не до разговоров с матерью. Держа руку на дубовых перилах, он тяжело вздохнул и стал медленно спускаться, к облегчению слуги, который не горел желанием сообщать графине, что ее просьбу отклонили.

Выйдя на улицу, Сесил увидел автомобиль матери с открытой для него дверцей.

– Мама, – произнес он устало, садясь в машину, – почему ты требуешь, чтобы к дому тебя подвозили на машине? Отсюда до тебя идти две минуты.

Драммонд-Хаус и впрямь находился совсем рядом с Лок-Дауном – на противоположной стороне круговой подъездной аллеи. Однажды Ангус, играя в теннис, при подаче забросил мяч с территории Лок-Дауна прямо в дверь бабушкиного дома. Та, конечно, не была в восторге: он разбил вазу с цветами. Столь же недостойн носить титул лорда, как и его отец, подумал Сесил. Нет справедливости на свете.

– Не пристало леди домой пешком ходить, тем более если она уже сидит в машине. Спасибо, Локридж. – Графиня позволила шоферу помочь ей выйти из автомобиля. Сесил выбрался с другой стороны.

Дом вдовствующей графини представлял собой увитый плющом красивый особняк, построенный в конце 1840-х го-

дов, после того как пожар уничтожил Лок-Даун. Тогда в поджоге подозревали многих, но в конечном итоге вину возложили на слуг, хотя первой загорелась спальня 13-го графа. Никто не спрашивал, как там оказалась его любовница, с которой он незадолго до этого расстался.

В ту пору клан Инверкилленов был довольно многочисленным – его представители плодились как кролики, – и в Драммонд-Хаусе под спальни семейства были отданы все комнаты второго и третьего этажей, но только его светлость имел в своем личном распоряжении гардеробную и гостиную. Это вызвало скандал среди членов семейства, завершившийся уничтожением ценной вазы, которую выбросили из окна залы. Впоследствии под каждым окном высадили кустарники.

На первом этаже располагались четыре комнаты: зала, две столовые – малая (примыкающая к кухне) и большая, а также библиотека. Было тесновато, но они кое-как устроились. После того как семейство вновь перебралось в Лок-Даун, Драммонд-Хаус был предоставлен вдовствующей графине и использовался для размещения менее важных гостей, что не нравилось леди Джорджине. Ей претило принимать в своем доме второсортных посетителей, но, к счастью, Огилви-Синклеры редко устраивали приемы.

Мать с сыном устроились в зале. Леди Джорджина велела принести им чай.

– После столь долгой поездки я как выжатый лимон. За-

чем мы туда ездим? Тащиться в такую даль всего на одну ночь! А хозяева они ужасные. Скажите мне, как можно не подать сырное блюдо на ужин?

Сесил пожал плечами и закурил, покручивая стоящую на каминной полке хрустальную спичечницу. Милая вещьца. Интересно, она ценная?

– Итак, что ты узнал у поверенного? – осведомилась леди Джорджина, пристально глядя на сына. Ей была присуща нервнирующая манера во время разговора впиваться в собеседника немигающим взглядом.

Морщась, Сесил ответил обреченным тоном:

– Боюсь, ничего хорошего. Обходного пути нет, и этот по-веса из Лондона – ее законный наследник!

– То есть ничего сделать нельзя?! – воскликнула потрясенная леди Джорджина. – Совсем ничего? Нет никакой дополнительной приписки к завещанию или... ну не знаю... В романах Диккенса такое происходит постоянно. Что-то должно быть.

Супруга Сесила, маркиза, минувшей зимой внезапно скончалась. При всем своем сказочном богатстве жила она на денежное содержание, выделяемое из семейного капитала. Основное ее богатство составляли земли и объекты недвижимости, и все они были оформлены на семейный доверительный фонд. И поскольку у нее и Сесила детей не было, родовое поместье, титул и – что важнее – деньги после смерти маркизы отошли ее дальнему родственнику из Лон-

дона. Когда завещание супруги было оглашено, для Сесила это стало ударом.

– То есть ты хочешь сказать, – продолжала леди Джорджина, – она не оставила тебе ничего, кроме замка в Оркни и небольшой денежной суммы? Какая вопиющая низость! Представь, если б твой отец вот так бы позаботился обо мне... – фыркнула она. Леди Джорджина любила поворачивать. – Бедняжка Сесил. Как же ты будешь жить?

Сесил и сам пребывал в растерянности. Выделенная денежная сумма была уже фактически израсходована, а замок в Оркни лежал в руинах. Если память ему не изменяла, там были закончены всего несколько комнат. Восстановление замка в Оркни было заветной мечтой отца маркизы, но тот скончался от испанки в 1919 году, так и не успев довести до ума свой проект. Однажды Сесил предложил жене отстроить замок и использовать его как домик для рыбалки, но маркиза отмела эту идею («Зачем он нужен? Там всего пять спален!»), и никаких работ там больше не проводилось. Сесил не представлял, как ему жить в замке, да еще практически без денег. В первые дни после оглашения завещания он убеждал себя, что это какая-то нелепая шутка, ошибка. Жена должна была оставить ему что-то еще. Эндрю Лолису, семейному адвокату, он поручил от его имени навести справки, но тот ничего не выяснил, зато выставил счет за свои труды.

– Нет, больше ничего жена мне не завещала, – подтвердил

Сесил. – Мне достались развалины в Оркни, а в моих домах теперь на законных основаниях живет какой-то чужак.

– Кто он вообще такой? Кто его родители? Пожалуй, надо бы с ними пообщаться, – предложила леди Джорджина, никогда не сдававшаяся без боя, если на карту была поставлена честь семьи.

– По словам Лолиса, он какой-то праправнучатый племянник, что-то в этом роде. В «Дебретте»⁸ я его не нашел. Кажется, он библиотекарь. Во всяком случае, как-то связан с книгами, если я правильно помню. На службу ходит, господи помилуй! О чем тут можно говорить!

Леди Джорджина сочувственно покачала головой. Обидно, когда тебя обходит какой-то лавочник. Приятного мало.

Сесил пальцем водил по каминной полке, глядя на свое кольцо с печаткой.

– И теперь он владеет моим состоянием. А ведь я его заслужил, мама! Хоть бы дом во Франции мне отписала! Он ведь совсем небольшой.

Леди Джорджина помнила тот дом. Однажды летом ей пришлось там побывать вскоре после того, как Сесил с новобрачной вернулись из медового месяца. Да, дом был совсем небольшим – по меркам маркизы. Всего-то четырнадцать спален; столовая, где за столом могли разместиться во-

⁸ Дебретт (Debrett's Peerage) – ежегодный генеалогический справочник британской аристократии, включает в себя краткую историю всех знатных семей Великобритании. Издается с 1802 г.

семнадцать человек; прилегающая территория – главным образом крутой каменистый спуск к берегу моря. Свой пляж, но все же... песок, водоросли...

– Да, не жемчужина, – согласилась леди Джорджина. – Может, Хэмиш поможет? Вы как-никак братья. Не пойму, почему отец обошел тебя в завещании.

Сесил смущенно глянул на мать. Леди Джорджина не знала, что ее сын заядлый игрок, о чем прекрасно были осведомлены и маркиза, и отец, и нынешний лорд Инверкиллен. Потому-то они всегда и держали его на коротком поводке. Через некоторое время после оглашения завещания супруги Сесил обратился за помощью к Хэмишу – просил, чтобы тот выделил ему какую-нибудь недвижимость, денег, хоть что-нибудь. Брат вызвался оплатить его расходы на адвоката, но не более того. Месяцами они ругались по этому поводу, и в итоге Сесил приехал мириться, предприняв последнюю попытку выторговать хоть что-нибудь. Окончательный счет, выставленный Лолисом, Хэмиш, конечно, оплатил. Однако, надо признать, адвокат крайне высоко оценил свои услуги! Сесил жил у друзей, полагаясь на их великодушие, – переезжал из одного дома в другой. Но, поскольку маркизы рядом с ним больше не было, он для всех стал обузой. И когда прошел слух, что ему не оставили ни состояния, ни земель, ни домов, его перестали принимать. Он решил вернуться в Лок-Даун. Сесил отмахнулся от мрачных мыслей.

– Затем я и приехал, – ответил он.

– Так я и думала. И что он сказал?

– Что расплатился с Лолисом, но это все, на что я могу рассчитывать. «Больше не получишь ни су», – заявил он. Хэмиш бывает так жесток! – Сесил с шумом уселся на диван, испугав собаку. – Хорошо хоть из завещания не вычеркнул.

– Да, но сейчас-то тебе от этого какая польза?

– Никакой, – хмуро согласился Сесил, глядя на Лок-Даун, стоявший по другую сторону лужайки. – Сейчас абсолютно никакой.

Вслед за отцом и братом Фергюс вошел в географический зал.

– Дверь закрой.

Недобрый знак, отметил про себя Фергюс.

Уже несколько месяцев мужчины вели споры о будущем поместья. Семейная винокурня стала убыточной. Производство виски курировал Ангус, наследник графского титула, а бизнесмен из него был никудышный. Однако Фергюса больше беспокоило то, что виски они изготавливали отвратительный. Он ратовал за перемены, говорил, что необходимо нанять другого винокура, но отец с братом были категорически против этого, и его оптимизм постепенно угасал. Казалось, кроме самих перемен, граф еще больше ненавидел разговоры о переменах, тем более что к ним его склоняли собственные дети.

Лорд Инверкиллен открыл лежавшую на столе книгу и

пролистнул несколько страниц.

– Поездка сегодня была долгой и утомительной, я устал, но нам необходимо обсудить ситуацию с винокурней.

Фергюс потратил немало усилий на разработку стратегии по возвращению прибыльности винокурне и поместьем. Свой проект он представил отцу и брату за несколько дней до бала, надеясь, что отец изучит его предложения. Сделав глубокий вдох, Фергюс прочитал про себя молитву.

– Вы посмотрели мой проект? – спросил он, стараясь не выдать голосом нетерпение.

Ангус опустил в кресло и принялся прикуривать сигарету. Он поморщился, качая головой. Английские. Придется наведаться в тайник Филиппа. Хорошо иметь дядю-француза: тот никогда не покидал Францию, не набив несколько чемоданов пачками сигарет «Голуаз».

– Нет, Фергюс. У меня своих дел по горло.

– И чем же ты так занят? – фыркнул младший брат. – Прячешься с Хью в теннисном павильоне?

Почтенный Хью Данбар-Гамильтон был вторым сыном их хорошего соседа и супругом их сестры Беллы. Хью и Ангус вместе учились в школе и всегда были неразлучны. Когда родители Хью объявили, что они подыскивали ему невесту из Йоркшира – наследницу некоего шерстяного магната, – у друзей быстро созрел план: Хью должен жениться на Белле. Прежде они не особо общались, но, когда Белла приняла его предложение, Хью был на седьмом небе от счастья. Он чи-

тал сестер Бронте и потому не имел ни малейшего желания прозябать на открытых всем ветрам вересковых пустошах.

– Фергюс, твой проект на семидесяти пяти листах! У кого есть время это читать? – Ангус снял с губы налипшую частичку табака и смахнул ее с пальца. Почему английские сигареты такие мерзкие на вкус?

– Чем же таким важным ты занят целыми днями, что не можешь найти время на то, чтобы помочь спасти семью от разорения? – язвительно поинтересовался Фергюс. Ангус всегда находил повод не бывать на винокурне, которой фактически в одиночку управлял старик Мактавиш.

– Довольно, – спокойно произнес граф, и Фергюс с Ангусом мгновенно притихли. Их отец разговорчивостью не отличался, но, если требовалось, одним словом любого мог поставить на место.

Хэмиш вздохнул. Беда в том, он знал, что виски «Плейд» не принесло ожидаемой прибыли в этом квартале. Да и не только в этом; доходы от виски и раньше не оправдывали ожиданий. Семья выживала благодаря продаже лосося, которой занимался Фергюс. Хэмишу была ненавистна сама идея отдавать лосось на сторону, но на новую крышу требовалось немало денег. Однако то, что предлагал его младший сын, заслуживало порицания.

Фергюс задумал, в числе прочего, использовать Драммонд-Хаус в качестве охотничьего домика и сдавать его в аренду гостям, которые будут приезжать на охоту или ры-

балку. Разумеется, семья принимала бы не всех желающих, а людей знатных и состоятельных, готовых хорошо заплатить за день охоты в графских угодьях и ужин с дегустацией виски. Охоту для гостей на выходных здесь устраивали и раньше, правда, уже довольно давно. Но теперь это требовалось организовать на коммерческой основе, иначе они обанкротятся. Хэмишу эта затея совсем не нравилась. В самом деле, что же они за аристократы, если им приходится трудом зарабатывать на жизнь?

Но Хэмиш понимал, что содержание родового поместья требует огромных затрат. Его отец из кожи вон лез, чтобы удержать корабль на плаву. После войны оплата труда взлетела даже здесь, в горной Шотландии. Все труднее и труднее становилось находить прислугу за то жалованье, что они могли предложить. Хэмиш и леди Джорджина прекрасно знали, какая уйма денег нужна на то, чтобы поддерживать Лок-Даун на должном уровне. Что-то нужно предпринимать, он согласен. Но пускать в родовое поместье чужаков, чтобы его светлость их развлекал... Нет уж, увольте. Есть другие, более традиционные способы финансирования.

И как раз этот вопрос они обсуждали многие месяцы. С одной стороны – модернизация, с другой – традиция. Но сегодня Хэмиш хотел положить конец разногласиям раз и навсегда.

– Полагаю, ты по-прежнему настаиваешь, что Мактавиша надо заменить. – Граф все еще не поворачивался лицом к

сыновьям.

– Он работает здесь главным винокуром почти пятьдесят лет! – вскричал Ангус, споривший с Фергюсом об этом несколько месяцев. Вообще-то ему было все равно – но он не хотел уступать младшему брату. А тот зачастую оказывался прав, и Ангуса это раздражало.

– Ангус, он – не профессиональный винокур, а старый чудаки, знающий, как делать виски. Господи, мы же живем в Хайленде, здесь все делают виски. Некоторые даже вполне приличное.

– Что ты хочешь этим сказать? – вспыхнул Ангус. Сидя на диване, он гладил собак, дремавших на подушках. Они любили поспать здесь после обеда.

– Наше виски ужасное, и вы оба это знаете, – во весь голос заявил Фергюс. Отец с братом буравили его сердитыми взглядами. – Кто-нибудь из вас его пьет?

Хэмиш задумчиво смотрел на сына. Парень подметил верно, признал он. В его графине было налито виски другой марки. Никакие обязательства не могли заставить графа отказаться от любимого виски, но его это беспокоило только тогда, когда на то указывал Фергюс, а младший сын в последнее время часто это делал.

– Что же ты предлагаешь? – тихо спросил Хэмиш. – Распахивать ворота поместья перед любой платежеспособной обезьяной? – По голосу отца Фергюс слышал, что тот злится сильнее и сильнее, и приготовился принять удар. – Боже

мой, да это же может быть кто угодно! Как ты себе это представляешь? Твоя бабушка будет сидеть за одним столом с... итальянцами? Или, прости господи, американцами?

– Нет, – покачал головой Фергюс. – Это исключено. Бабушка в этом не участвует. Если бы ты ознакомился с моим проектом...

– Да я ознакомился! – Не совсем. Не до конца. Остановился на том месте, где Фергюс предлагал переселить леди Джорджину в Лок-Даун. Хэмиш не имел ни малейшего желания снова жить под одной крышей с матерью. Он ее любил, но всему есть пределы. – Впрочем, теперь это неважно. Винокурни у нас больше нет.

– Что? – Фергюс ощутил непонятную дрожь в ногах. Он взглянул на Ангуса. В лице брата тоже читалось недоумение.

– Винокурня продана. – Не добавив больше ни слова, граф повернулся к сыновьям спиной.

Ангус открыл рот от изумления. Неужели ему придется заниматься лососем, раз производство виски он больше не курирует? Так ведь это куда более трудоемкое предприятие. Разгневанный, он резко посмотрел на Фергюса – это точно его рук дело!

Но, судя по ошеломленному выражению лица брата, тот тоже был потрясен, как и он сам.

– Что? Кому? Когда? – взревел Фергюс.

Смятение брата доставило Ангусу удовольствие. Он с наслаждением затянулся сигаретой. Да, после этого точно надо

залезть в тайник Филиппа.

По-прежнему стоя спиной к сыновьям, Хэмиш слегка пожал плечами.

– Лолис урегулировал все формальности. – Граф глотнул виски и устремил взгляд в окно.

Фергюс никак не мог осмыслить услышанное. Он знал, что Лолис вот уже несколько месяцев уговаривал отца продать винокурню, но ему и в голову не приходило, что тот мог серьезно отнестись к этой идее. Без винокурни его проект ничего не стоит.

Оценив позу графа, твердую линию его плеч, Фергюс понял – расспрашивать его бесполезно. Если отец положил конец разговору, значит, разговор окончен. Фергюс встал и посмотрел на брата. Ангус лишь пожал плечами. Фергюс быстрым шагом направился из комнаты и, выходя, постарался не хлопнуть дверь. Расстроенный, он даже не заметил в коридоре Айрис. Налетев на нее, буркнул «извини» и зашагал дальше. *Что эта девчонка делает в коридоре?*

«Эта девчонка», потирая плечо, подняла с пола книгу, которую выронила. *И почему все на меня натываются? Будто я невидимка.* Пригладив на себе юбку, она вновь принялась рассматривать картину на стене.

Айрис Уинфорд в Лок-Дауне занимала положение воспитанницы и для всего семейства была невидимкой. В поместье ее привезла двенадцать лет назад леди Джорджина. Зачем?

Этого никто не знал. Леди Джорджина не считала нужным перед кем-либо отчитываться. В целом девочку все приняли, но теплотой не баловали. За обеденным столом она сидела вместе с хозяевами, однако комнату ей отвели на гостевом этаже, тем самым поставив на ней клеймо «не член семьи». Айрис на этот счет не огорчалась, поскольку весь этаж был в ее распоряжении. В любом случае такой кров был предпочтительнее сиротского приюта. Здесь она могла изучать искусство и историю, склоняясь над книгами в читальном зале. Именно там она нашла «Каталог», который только что выронила.

Этот каталог с перечнем произведений искусств, хранившихся в поместье, был составлен по заказу прадеда Хэмиша, последнего коллекционера в роду Инверкилленов. В разделе о каждом предмете содержались его рисунок, история создания, данные о создателе и иногда сведения о том, как эта работа оказалась во владении семьи. Ее это завораживало, и она старалась изучать по одному предмету в неделю. Вот почему Айрис находилась в коридоре, когда Фергюс чуть не сбил ее с ног.

Эту картину, портрет 10-й графини Инверкиллен, написанный в начале XVII века, она разглядывала месяцами. Из всех графинь Инверкиллен только эта удостоилась чести быть запечатленной на холсте. Правда, никто не помнил, за какие заслуги. Айрис светила фонарем на полотно, сличая его с рисунком в каталоге. Насколько она могла судить, кар-

тины не реставрировались десятки лет, и зачастую без фонаря их невозможно было рассмотреть. Как ни странно, этот портрет не имел ничего общего с иллюстрацией в каталоге. Фергюс налетел на Айрис как раз в тот момент, когда она сравнивала орнамент платья леди Морган с рисунком. Айрис была озадачена. Клеточные узоры не совпадали. Тартан леди Морган слишком изысканный, отметила девушка. Чего не скажешь о тартане Инверкилленов. Может, представители клана на каком-то этапе своей истории поменяли орнамент? Или клетку на картине перекрасили? Любопытно.

Высокие деревянные напольные часы пробили четыре, и Айрис поспешила в библиотеку пить чай. Войдя в комнату, она сразу почувствовала неладное. Все молчали, что было нетипично для Огилви-Синклеров. Айрис тихо подошла к чайному подносу, налила себе чай и опустилась в кресло в дальнем конце комнаты, недоумевая, что могло случиться.

– А я говорил тебе, что няня не пьяна, – с непонятным торжеством в голосе заявил Ангус, насмехаясь над сестрой.

– Ангус, твое ликование неуместно, – осадил племянника леди Элспет.

В библиотеку влетела леди Джорджина.

– Я только что узнала ужасную новость, – выдохнула она, усаживаясь на стул. Жестом отказавшись от предложенной ей чашки чая, леди Джорджина впиалась взглядом в невестку: – Виктория, это правда? Няня умерла?

Айрис охнула. Неудивительно, что в комнате тихо, как на

кладбище.

– Да, к сожалению. – Леди Инверкиллен говорила едва слышно. Все присутствующие подались вперед, сиюсь разо-
братъ ее слова. – С ней сейчас доктор.

– Но как это случилось? – удивилась вдовствующая гра-
финя. – Я думала, она просто перепила виски на балу. Это
как-то связано со слухами о болезни, о которой гудит весь
город?

– Слухи, они и есть слухи, – раздался от двери незнако-
мый голос. Все вздрогнули от неожиданности. В комнату во-
шел врач. – Скучающим женщинам, кроме как сплетнями,
больше нечем занять свои умы. – Он суетливо помахивал
медицинским саквояжем. Его сильно раздражало, что сплет-
ням в городе доверяли больше, нежели его компетентному
мнению. – Да, люди болеют, но нет оснований полагать, что
они поражены некой необычной болезнью. Няня была стара.
Просто пришло ее время.

– Она не была стара, – сердито возразила Белла. – Ведь
правда? – Внезапно почувствовав себя неуверенно, она об-
вела взглядом остальных. Ангус, пожав плечами, закурил си-
гарету. Никто точно не знал, сколько лет было няне.

– Ей было без малого семьдесят восемь, – заявил врач. –
Полагаю, это вполне почтенный возраст. Завтра после обеда
я зайду посмотрю Арчи, но если что-то изменится, звоните.

– Арчи? – Все недоуменно уставились на него.

– Вашего слугу. – В лицах Огилви-Синклеров по-преж-

нему не отражалось ничего, кроме непонимания. – У него небольшой кашель, легкий озноб. Думаю, ничего серьезного. Что ж, до завтра. – Врач поспешил ретироваться, не дожидаясь, когда хозяева опомнятся и начнут задавать вопросы.

– Я и понятия не имела, что няня такая старая, – пробормотала Элспет, пересаживаясь на диван.

– Интересно, кто будет смотреть за детьми, пока мы не найдем новую няню? – резко спросила Белла. – Я не буду. У меня свои дела.

Белла ненавидела детей. Противные, чумазные, глупые существа. Она никак не могла простить им те неприятные изменения, которые из-за них претерпело ее тело. Она по-прежнему обладала великолепной фигурой, что подмечали многие, но теперь комплименты всегда сопровождались фразами «И это после того, как вы родили троих детей!» или «Для вашего возраста!». Колкости и издевки вместо восхищения и зависти. А она хотела, чтобы ею восхищались, чтобы ей завидовали. Белле этого очень не хватало.

Красавицей она никогда не слыла, но ей было грех жаловаться на внешность. Из всех ныне живущих представителей клана Инверкилленов только Белла унаследовала от своих датских предков белокурые волосы и васильковые глаза – на зависть всем девицам графства. Помимо этого, она была дочерью богатого отца, и, достигнув совершеннолетия, стала получать приглашения: на балы, охоту, званые ужины. Не то чтобы она везде ездила, но быть приглашенной было прият-

но. Однако после войны многие из парней не вернулись, и когда Белле исполнился двадцать один, родители забеспокоились: им не терпелось выдать дочь замуж. Старая дева в семье не нужна.

И тогда был устроен брак Беллы с Хью.

Молодые быстро произвели на свет троих детей, после чего Хью перебрался в гардеробную. Белла занималась своими делами, хотя никто не смог бы сказать, что это за дела. Хью стал писать романы и почти все время проводил в теннисном павильоне, который служил ему кабинетом. О детях заботилась няня, и несколько лет они все жили вполне счастливо, довольные сложившимся порядком вещей. Но теперь кто-то должен был взять на себя заботу о детях. А принимая во внимание то, что в Лок-Дауне гостили их французские кузены и кузины, дело это было хлопотное.

Вся комната обратила многозначительные взгляды на Айрис.

– О! Мм... я... с удовольствием, – с запинкой произнесла девушка, краснея оттого, что оказалась в центре внимания. – Правда, я не очень уверена в своем французском, – добавила Айрис, посмотрев на леди Элспет, – так что, может быть...

– Значит, решено, – перебила ее леди Джорджина. – Я сейчас же позвоню и размещу объявление. Если повезет, оно будет напечатано уже в утренних газетах. Все, мне пора домой, писать письма. Слишком много приглашений, которые я вынуждена отклонить.

После чаепития Элспет заглянула в комнату для обуви, чтобы взять трость для вечерней прогулки. Выбрав свою старую, любимую, она услышала крики на заднем дворе. Элспет выглянула за дверь и увидела Хэмиша с удочкой в руке. Он был мрачнее тучи. Мгновением позже показался Фергюс, выскочивший из дома вслед за отцом. Кричал в основном Фергюс (Хэмиш редко повышал голос), но потом граф повернулся, сделал два шага навстречу сыну и заорал тому в лицо. Элспет впервые слышала, чтобы брат так бушевал.

Не желая вмешиваться, она тихо затворила дверь и направилась в кухню. Сегодня придется выходить через дверь для слуг, усмехнулась про себя Элспет. Кто бы мог подумать! Она выскользнула на улицу и, глянув вправо, в сторону заднего двора, пересекла подъездную аллею. Фергюс все еще кричал на отца. *Из-за чего они ругаются?* Элспет отмахнулась от этой мысли; ей и без того было о чем подумать.

Она удалялась все дальше от дома и через несколько минут исчезла в лесу. Быстро и бесшумно она пробиралась к хижине. В этот укромный домик Элспет приходила с детства. Он стоял в самой чаще за тем местом, где удили рыбу, у подножия округлой возвышенности на границе их владений. Элспет не знала, кто построил эту хижину, не обозначенную на карте поместья. Главное, что в ней было сухо, уютно, и, что более важно, ее было трудно найти. Элспет сомневалась, что кто-либо еще знал о существовании домика. Она и сама

не знала, пока Росс не показал ей много лет назад.

Росс Макбейн был любовью всей ее жизни. Егерь в третьем поколении, он рос вместе с ее братом, учился стрелять, отслеживать добычу и красть виски с винокурни. Элспет у родителей была поздним ребенком, и Хэмиш, тогда еще одиннадцатилетний подросток, души не чаял в маленькой сестренке. Когда Элспет исполнилось пять лет, она стала всюду таскаться за старшими мальчишками, канюча, чтобы ее научили стрелять и охотиться. Очень быстро она блестяще освоила все тонкости охотничьего искусства, но еще больше преуспела в рыболовстве. Непонятно как, но она всегда «чувствовала» рыбные места, и, если ребята брали ее с собой, голодными они не оставались.

Для Росса все изменилось, когда Элспет вернулась из Парижа после годовичного путешествия. Теперь перед ним была не маленькая девчонка, постоянно удиравшая от няни. Она носила элегантные наряды, великолепно изъяснялась по-французски. Куда подевалась та дерзкая малышка, которую он учил отслеживать оленя? Элспет превратилась в очаровательную леди, и Росс был сражен.

Между ними расцвела любовь, но обоим хватало ума скрывать свои чувства от других. Одно дело – расти вместе, другое – серьезные отношения. Их брак был бы неприемлем, поскольку Росс не был дворянином. До двадцати семи лет Элспет удавалось отсрочивать свое замужество, и, надо признать, с ее стороны это был настоящий подвиг. В конце кон-

цов родителям надоело ждать, и однажды вечером, за ужином, они объявили, что она помолвлена с Филиппом, маркизом де Клерво из Шампани. Потрясенные, Росс и Элспет украдкой сбежали в хижину, где обменялись клятвами. Росс пообещал никогда не жениться – и не женился. Элспет дала слово никогда не любить другого мужчину – и не любила. Спустя десять дней она вышла замуж и переехала во Францию.

С тех пор каждый год Элспет возвращалась в Лок-Даун, чтобы присутствовать на весеннем балу, значимость которого она сильно преувеличила, рассказывая о нем мужу. Филипп уважал традиции, но бывать в Шотландии не любил. Во время визитов только и делал, что курил и брюзжал.

– Погода отвратительная. Еда отвратительная, кофе днем с огнем не найти. Только чай! А сыры, бог ты мой... даже не начинай! Одна радость – вино, что я привез с собой.

Иногда Элспет приезжала на родину с мужем, а иногда – какое счастье! – без него. Не случайно все ее дети родились в январе или феврале.

Дождь наконец стал стихать. Элспет поскользнулась на мокрых листьях. Тихо выругавшись, она инстинктивно схватилась за ствол дерева, чтобы не упасть. До нее снова донеслись крики. Господи, что у них там стряслось? Она никогда не видела Фергюса столь возбужденным. Элспет продолжила идти и через несколько минут добралась до каменной хижины.

Домик встретил ее теплом пылающего очага. На маленьком столике между двумя креслами стояли два бокала виски.

– Надеюсь, это не «Плейд», – произнесла она, снимая сапоги, хотя по светло-янтарному цвету жидкости сразу поняла, что это виски Росса, а не из винокурни ее семьи. Росс уже много лет гнал виски. В детстве он немало времени проводил в винокурне вместе со стариком Мактавишем, который посоветовал ему изучить в университете естественные науки в надежде, что его юный протеже станет квалифицированным винокуром. Росс делал очень хорошее виски.

Мужчина обернулся в кресле.

– Ты меня провоцируешь?

– Может быть. – Элспет сняла жакет.

Росс встал, в три шага пересек комнату, заключил ее в свои объятия и бросил на двуспальную кровать – единственный, кроме кресел и столика, предмет мебели в хижине. Смеясь, Элспет помогла ему снять рубашку.

В особняке гонг к ужину звучал ежедневно в половине шестого вечера. Дети постоянно умоляли, чтобы им позволили ударить в гонг, но дворецкий Хадсон за тридцать лет службы в семье уступил этим просьбам лишь раз, в награду за хороший поступок. Если дать ребенку в руки молоток и подпустить его к гонгу, ничего хорошего не жди, и Хадсон тотчас же пожалел о своем решении. Ребенок на радостях принялся колотить в гонг со всей силы, и Хадсон поспешил

разоружить маленького попрошайку, но на предмете искусства XVII века осталась глубокая вмятина, и с тех пор гонг издавал немного нестройный звук. Дворецкий унес молоток в свою комнату, убрал его в шкафчик, запиравшийся на замок, и с той поры никто, кроме самого Хадсона, никогда в гонг не бил. Не стал исключением и этот вечер.

В особняке Лок-Даун ужин был священной традицией, и его обитатели по-прежнему придерживались старых обычаев. Вся семья собиралась в библиотеке на аперитив; прийти можно было в любое время с семи до восьми, но непременно до того, как появится Хадсон, чтобы пригласить всех к столу. К немалому огорчению леди Евы, современных коктейлей здесь не подавали – только херес для дам и виски с содовой для мужчин. Ровно в восемь часов вечера в библиотеку входил Хадсон, чтобы сопроводить всю семью через оружейный зал в столовую. На первое всегда подавали консоме, затем рыбу, после рыбы – мясо (в охотничий сезон, разумеется, дичь), потом – сорбе, сыры и в конце – фруктовый или иные пудинги. Меню всегда оставалось неизменным. На ужин полагалось приходить в вечерних туалетах. По завершении трапезы женщины переходили в гостиную – летом в синюю, зимой в красную, – где они играли в карты и обменивались сплетнями. Мужчины шли в библиотеку или в бильярдную курить сигары и потягивать виски. Иногда мужчины и женщины собирались вместе, чтобы перед сном сыграть партию в вист. Леди Инверкиллен всегда удалялась в свои

покои ровно в одиннадцать. В полночь Хадсон запирает парадную дверь и тоже отходит ко сну. После этого все, кто не лег спать, должны были заботиться о себе сами.

И вот, как обычно, все члены семьи собрались в библиотеке, в ожидании ужина потягивая спиртные напитки и занимая себя беседой. Леди Джорджина жаловалась на свою камеристку:

– Попросилась в отпуск, чтобы съездить к родителям. Представляете? Причем обратилась уже после того, как упаковала чемодан и поставила его в холле. Сказала, что очень переживает из-за этой новой болезни. Как будто это в самом деле вопрос жизни и смерти. Да даже если и так, мне-то какое дело? Никакого. В общем, взяла и уехала к своим больным родителям.

Хадсон, стоявший в углу, тактично кашлянул.

– А как обойтись без камеристки? М-м? – Леди Джорджина обвела взглядом комнату и увидела, что все, кроме Беллы, ей сочувствуют. Белла редко сопереживала женщинам, имевшим камеристок, поскольку у нее самой личной служанки не было.

– Мама, если хочешь, я буду присылать к тебе Максвелл, пока не вернется твоя камеристка, – предложила леди Инверкиллен. – Она будет приходить к тебе после того, как приготовит для меня ванну. Для тебя это не слишком рано? – Леди Инверкиллен, как всем было известно, каждое утро вставала на рассвете и первую половину дня проводила в оран-

жерее, ухаживая за анемонами. После обеда ее можно было найти в музыкальном зале – леди Виктория слыла одаренной пианисткой, – где она находилась до самого чаепития.

– Ах, дорогая, это очень любезно с твоей стороны. Скажи, она умеет укладывать волосы? Делать традиционные прически? Я не выношу эти новомодные волнистые творения. Чересчур современно и вульгарно. – Леди Джорджина невольно посмотрела на леди Еву, и та перехватила ее взгляд. – Дорогая, как идет подготовка к свадьбе? Я обожаю летние свадьбы. Всегда так много ярких цветов.

Белла поспешила вмешаться, не давая Еве и рта раскрыть. Ей до ужаса надоели разговоры о планируемой свадебной церемонии и нытье Евы о том, что буквально все здесь не соответствует лондонским стандартам.

– Бабушка, надолго уехала твоя камеристка?

– Понятия не имею. Придется искать ей замену. Если она возомнила, что может уезжать и приезжать, когда ей заблагорассудится, пусть десять раз подумает. О, как я не люблю подыскивать новую прислугу.

– Я могу разместить для вас объявление в «Леди»⁹. Редактор журнала – мой хороший знакомый, – предложила Ева. Она постоянно щеголяла своими лондонскими знакомствами: знаменитости, разные выдающиеся личности. Инверкилленов это бесило, но она и не думала щадить их самолюбие. У нее было много связей. Все влиятельные знакомые Инвер-

⁹ The Lady – британский журнал для женщин, еженедельник. Основан в 1885 г.

килленов были шотландцы, которые, кроме как в Шотландии, нигде больше веса не имели.

– У нас испокон веков служат только выходцы из Горной Шотландии, – ужаснулась леди Джорджина. Она покачала головой и продолжала беседу, игнорируя Еву, словно той вообще не существовало.

Высокие напольные часы пробили восемь. Все встали, чтобы проследовать за дворецким в столовую. Порядок обслуживания и размещения за столом определялся титулом и статусом каждой персоны. Хэмиш и Виктория обычно сидели друг напротив друга в середине стола, а не на его противоположных концах. В соответствии с этой современной схемой рассадки графиня сидела к камину ближе остальных. Обычно все отмечали, что менее важных гостей сажали буквально на холоде.

Войдя в столовую, Инверкиллены направились к отведенным им местам. И только когда все собрались, стало очевидно, что граф на ужин не пришел.

– Хадсон, а где же лорд Инверкиллен? – осведомилась леди Джорджина. Дворецкий сконфузился, глядя на нее. Стало ясно, что он тоже не заметил отсутствия графа. – Так пошлите же за ним кого-нибудь. – От голода она становилась ворчливой.

В покои графа отправили лакея. Все члены семьи в замешательстве стояли у своих стульев. Никто не хотел садиться, ведь в этом случае их число за столом было бы нечетным. А

если за ужином присутствовало нечетное количество человек, это сразу бросалось в глаза и повергало Инверкилленов в ужас. Они всячески старались избегать такого положения. За завтраком – пожалуйста, ничего страшного. Объяснения этому никто не мог дать.

Они стояли и ждали. Одни переговаривались, другие изнывали от нетерпения. Сесил взял в руки меню: омар под майонезом, жареная оленина, апельсиновое суфле. Никакой фантазии, подумал он. В замке Стронах даже в самый обычный вечер стол не бывал настолько заурядным.

Лакей вернулся через несколько минут. Он что-то прошептал на ухо Хадсону и отошел к стене. Дворецкий кивнул, прокашлялся и доложил, что его светлость еще не вернулся с рыбалки, на которую отправился вскоре после обеда.

Сообщение было встречено возгласами изумления.

– Как это «не вернулся»? Хэмиш никогда не опаздывает! – воскликнула леди Джорджина.

– А почему его камердинер ничего не сказал? Он не мог не заметить, что отец не вернулся! – раздраженно рявкнул Ангус.

Сесил медленно покачал головой.

– В наше время на преданность слуг рассчитывать не приходится, мой мальчик. – Он постучал по своему бокалу и взглянул на лакея, надеясь, что тот поймет намек.

Леди Инверкиллен пребывала в смятении. С задумчивым видом она приблизилась к окну, словно надеялась высмотр-

реть графа где-то неподалеку от дома. «Что она там себе напевает?» – подумала Айрис.

Фергюс бросился к дверям.

– На него это не похоже. Нужно организовать поиски. Хадсон, принесите фонари.

– Слуги уже всюду ищут его, сэр. Миссис Макбейн отправила их на поиски несколько минут назад.

– Ах вот как... хорошо. – Фергюс медленно опустился на стул, забыв про нечетные числа.

Ангус и Белла насмешливо переглянулись, довольные, что Фергюс нарвался на унижение. А Еве стало стыдно за жениха. *Зачем он вечно лезет куда не надо? Он ни на что не годится. для этого есть слуги,* в раздражении думала она про себя.

– Может, позвонить в полицию? В котором часу он ушел? Как камердинер не заметил его отсутствия? – возбужденно недоумевал Фергюс.

Хадсон заверил его, что ситуация под контролем, хотя ему самому, добавил тот, мало что известно, где был и куда ходил его светлость во второй половине дня.

– Не угодно ли вам, миледи, подождать в гостиной, пока не выяснится, где лорд Инверкиллен?

Леди Инверкиллен промолчала, и за нее ответила Элспет:

– Да, пожалуй. Спасибо, Хадсон. – Она направилась к дверям, но за ней никто не последовал. – Там нам будет удобнее. Пойдемте. – Все поплелись за ней, словно растерянные

котят.

Камин только что затопили, и в комнате еще было холодно. Впрочем, во всех помещениях особняка было не очень тепло. Даже при растопленном камине большие залы прогревались очень долго, и поэтому в зимние месяцы женщины ужинали в мехах. Центральное отопление включали только для гостей. Ни один уважающий себя шотландец не нуждался в постоянном отоплении.

Да, кому-то, наверно, там будет удобнее, с обидой подумала Ева, *но только не мне.* У нее зуб на зуб не попадал от холода. В Лок-Дауне она постоянно мерзла. Ева не понимала, как другие женщины терпят эту муку. Мужчинам-то хорошо, они в шерстяных костюмах, а вот женщинам... в шелковых туалетах, с оголенными плечами. Даже ее жемчуга заledenели.

В первый же вечер своего пребывания в особняке Ева усвоила, что место относительно пылающего камина зависит от титула и статуса, как и рассадка в столовой. Разумеется, в иерархии Инверкилленов статус у нее был невысокий, и, соответственно, на кресло у камина претендовать она не могла, но, по-видимому, стоять у огня не возбранялось, что она и не преминула сделать. Мысленно Ева наказала себе утром написать матери. Ей нужны более теплые вещи, иначе она погибнет от холода; и, глядя на наряды присутствующих дам, решила, что платья лучше привезти из Лондона, пока еще возможно.

Айрис, по своему обыкновению, уселась на подоконнике. В разговоре она почти не участвовала, все больше наблюдала за окружающими, стараясь быть незаметной, слиться с обстановкой. Платье, что она надела на ужин, было ей чуть велико. Это было одно из двух платьев, которые ей подарила Белла. Ни то, ни другое не было ей впору, но правила диктовали к ужину выходить в вечернем туалете, а значит, Айрис тоже полагалось иметь вечерний туалет. Но только не новый, это же лишние расходы. Гувернанткам вечерние платья ни к чему, настаивала Белла. Айрис рассеянно поправила сползший рукав. Она рассматривала задний фон картины, висевшей над камином, когда перед ней вырос Хью, супруг Беллы; ему захотелось с ней поговорить.

Хью был писателем, и это повергало всю семью в отчаяние, хотя он неплохо зарабатывал, сочиняя романы о... Айрис толком не знала, о чем он писал, поскольку книг его не читала. И никто из членов семьи их не читал. Кроме, наверно, Ангуса – были такие подозрения. Однако Айрис любила читать, и когда еще совсем юной узнала, что Хью – знаменитый писатель, перерыла всю домашнюю библиотеку в поисках его романов. Но, похоже, никто из семьи книги Хью не собирал. Тогда Айрис пошла в публичную библиотеку в городе. Но, когда попросила дать ей одну из его книг, библиотекарь посмотрел на нее так, словно она его оскорбила. После работники библиотеки долгие месяцы как-то странно поглядывали на девушку, перешептывались и указывали на

нее пальцами – пальцами! – когда она появлялась, так что Айрис вовсе перестала туда ходить. Однажды она собралась с духом и попросила Хью дать ей почитать одну из его книг.

Тогда он перепугался, занервничал:

– О нет, дорогая, это исключено. Думаю, девушке твоего возраста едва ли это будет интересно. Нет, нет. Да и нет у меня сейчас свободного экземпляра.

И Хью поспешил отойти в другой конец комнаты, чтобы поговорить с Ангусом, приходившимся ему шурином. Изда-ли оба некоторое время пристально наблюдали за ней, словно с опаской. После этого Хью несколько лет старательно избегал Айрис, но однажды увидел, как она читает «Смерть в Венеции» (она взяла эту книгу по ошибке, перепутав ее с «Поездкой в Индию»)¹⁰, и с тех пор не обделял девушку своим вниманием.

– А что ты сейчас читаешь, дорогая?

Не дожидаясь ответа, Хью пустился в рассуждения о романе, который в это время читал он сам. Это новое слово в литературе. Автор – гений. Потрясающее произведение. Все романы, которые он читал, были потрясающими. Айрис неотрывно смотрела на картину, думая про себя, можно ли попросить Хадсона принести ей чашечку чая. Сидеть на подоконнике было зябко.

¹⁰ «Смерть в Венеции» (1912 г.) – роман Томаса Манна. «Поездка в Индию» (1924 г.) – роман Эдварда Моргана Форстера. Фигурирует в нескольких списках «Сто лучших романов XX века».

Леди Констанция смотрела на огонь. Ей, как супруге Ангуса и будущей графине, полагалось место у самого камина. Младшая дочь видного эдинбургского банкира, Констанция наслаждалась своим первым светским сезоном, когда отец объявил, что она выйдет замуж за старшего сына лорда Инверкиллена. Став графиней Инверкиллен, она по статусности превзойдет всех своих сестер. Но восторг от брака с графским сыном быстро угас, когда выяснилось, что родовое поместье находится близ озера Лок-Даун, в глуши северного нагорья Шотландии, причем жить придется вместе со всем семейством. Но Констанция решила не унывать. Ради высокого титула можно и потерпеть. Было это пять лет назад.

За минувшие годы Констанция научилась мириться с уединенной жизнью в поместье. Родственников мужа она ненавидела, но всегда помнила, что когда-нибудь станет графиней. И, когда займет главенствующее положение в клане Инверкилленов, наведет в поместье свои порядки. Существовала только одна проблема: у нее не было детей. Если Констанции не удастся исполнить свой супружеский долг, поместье перейдет по наследству к детям Беллы, о чем та регулярно, со злорадным удовольствием, ей напоминала. А теперь еще возникла Ева – молодая здоровая женщина, которая, по всем признакам, детей будет рожать одного за другим. От всего этого Констанция постоянно пребывала на грани паники.

Констанция отыскиала глазами супруга. Ангус только что

направился к Хью, чтобы оттащить его от Айрис, с которой тот увлеченно беседовал. Уже несколько лет они с мужем спали в разных спальнях – в аристократических семьях так было заведено, – и, признаться, Констанцию это вполне устраивало. Ведь Ангус храпел во сне. Но, памятуя о судьбе Екатерины Арагонской¹¹, она решила это изменить. Может быть, с новой прической удастся завлечь мужа в свою постель. Ева элегантно выглядит с современной укладкой, значит, и Констанции надо освежить внешность. Утром она позвонит парикмахеру, попросит, чтобы он нашел для нее время.

Все думали, что посидят в гостиной несколько минут, однако ожидание затянулось на несколько часов. Каждый старался чем-то себя занять, но, будучи представителями аристократии, Инверкиллены не привыкли ждать. Филипп успел сыграть с сыном целых две партии в шахматы. Фергюс восхищался подростком: тот уже играл очень недурно. Ангус и Хью у эркерного окна что-то тихо обсуждали, дымя сигаретами. Сесил, устроившись в кресле, с довольным видом читал письма 15-го графа. Леди с притворным интересом обсуждали сплетни с недавнего бала. В любом случае ожидание утомляло, и вскоре Элспет и Констанция, подобно героиням романов эпохи Регентства, стали по очереди про-

¹¹ Екатерина Арагонская (1485–1536) – дочь Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской, первая жена короля Англии Генриха VIII Тюдора, мать королевы Марии I. После 24 лет супружества из-за отсутствия наследников мужского пола Генрих аннулировал брак с Екатериной.

хаживаться по гостиной, поглядывая в окна. Леди Джорджина, не закрывая рта, пыталась вовлечь в бессодержательный разговор леди Инверкиллен и Беллу. Те внимали ей с рассеянным видом, словно мечтали поскорее исчезнуть из гостиной.

Когда напольные часы пробили одиннадцать, было принято решение приостановить поиски.

— Уже темно, ничего не видно, — заключил Фергюс. — Думаю, лучше продолжить поиски на рассвете.

Все согласились и молча побрели в свои комнаты.

— А вдруг он появится, когда мы все ляжем спать? — сказала Айрис, когда все стали расходиться. — Входная дверь будет заперта на замок. Как он попадет в дом?

— Да, действительно, — согласился Фергюс. — Я подежурю у входа. Возьму у Хадсона ключ. — Ева недовольно закатила глаза.

Тут вмешалась Констанция:

— А почему не Ангус? Он ведь старший, как-никак.

На лице Ангуса отразился ужас.

— Ну вот еще! Хадсон покараулит.

Теперь испугался Хадсон.

— Он же знает, что парадный вход на запоре, — заметила Элспет. — Разумеется, зайдет где-нибудь со двора.

Разгорелся спор. Через какую дверь пойдет его светлость? Сумеет ли он достучаться до слуг? У какого входа следует организовать вахту? Кто должен дежурить? Никто не горел

желанием спать в кресле на холоде, кроме Фергюса. Только ведь он не мог разорваться: дверей было много, а он один. И если никто не вызовется ему помочь, очень может статься, что лорду Инверкиллену придется ночевать на улице. Айрис тоже была бы не прочь подежурить, взяв с собой одеяло и грелку. Но каждый раз, когда она собиралась выразить свою готовность, ее кто-нибудь перекрикивал. Но когда Констанция возмутилась, что вся слава достанется Фергюсу (что бы это ни значило), леди Джорджина не выдержала:

– Довольно! – Все разом умолкли. Вдовствующая графиня поднялась с кресла, приняв величественную позу. – Хадсон и слуги мужского пола будут дежурить у тех дверей, которыми с наибольшей вероятностью может воспользоваться его светлость. Я уверена, он придет ночью, а если до рассвета не появится, утром позвоним в полицию и организуем масштабные поиски. А сейчас – подайте машину. Я смертельно устала.

Дворецкий вздохнул. Впереди его ждала долгая ночь.

Инспектор Джарвис не был загружен работой, и его это вполне устраивало. Он возглавлял отделение полиции Лок-Дауна, весь штат которого, помимо него, составляли два констебля и секретарь. Занимались они главным образом мелкими происшествиями: дети украли конфеты из магазина, пропала собака, пьяные дебоши в пабе и все в таком духе. Городок был маленький, и полицию держали больше для про-

формы. Карьеру он начинал в Инвернесе, где прослужил несколько лет, а потом попросил перевестись в Лок-Даун. Жизнь в большом городе была не для него. Вернулся он не очень давно, но ему нравился неспешный ход деревенской жизни. Никто не мешал ему больше времени проводить в пабе.

И вдруг утром – слишком рано, по его мнению, – ему позвонила миссис Макбейн и сообщила об исчезновении лорда Инверкиллена. Он быстро оделся, вызвал двух констеблей, находившихся в его подчинении, и немедленно прибыл в поместье, где сразу отправился в помещение для прислуги. Джарвис был научен первым делом опрашивать слуг. Они были бесценным источником информации, которую отказывались сообщать их знатные хозяева. К тому же он хотел выпить чаю, перед тем как приступить к опросу членов семьи.

Людей, собравшихся во дворе, он разбил на группы и отослал в разные уголки поместья, а затем пошел к черному ходу. В коридоре для слуг его ждала миссис Макбейн. Она провела его в свою гостиную и, пока они ждали известий от поисковых групп, поставила перед ним чашку чая.

– Когда он ушел из дома? – осведомился Джарвис, откусывая имбирное печенье.

– Точно не скажу, Родди. – С Джарвисом она была знакома еще с детства. – Вчера ближе к обеду они вернулись с бала. После этого я его больше не видела. Насколько мне известно, он был в географическом зале, кричал на сыновей

из-за винокурни.

Джарвис задумчиво кивнул. Ни для кого не было секретом, что от этой винокурни одни убытки. С таким ужасным виски любой бизнес пропадет.

– Где находились все остальные?

– В доме, как обычно. Некоторые по приезде с бала сразу приняли ванну, другие решили вздремнуть. На обед и чай мало кто вышел, но это неудивительно. Все устали с дороги.

– С дороги? С бала у Макинтайеров?

Миссис Макбейн кивнула.

Инспектор в недоумении посмотрел на нее:

– Разве они давали бал не у себя в поместье? – Миссис Макбейн снова кивнула и глотнула чаю, догадываясь, что сейчас последует. – Так от них досюда сколько... шесть миль? С чего это они устали? Это ж полчаса на машине.

Миссис Макбейн, как всегда, лишь тактично пожала плечами. Никому, тем более Родди Джарвису, не нужно знать, что она на самом деле думает о своих работодателях.

Брови Джарвиса взметнулись вверх.

– Что ж, ладно. Значит, все устали, кто-то принимал ванну, многие не вышли к чаю. Что было потом?

Миссис Макбейн немного подумала.

– Потом мы обнаружили, что няня Маккензи умерла.

Джарвис чуть не выронил чашку.

– Что?! Впервые слышу. Что случилось? – Инспектор был поражен. В маленьком шотландском городке трудно что-то

утаить, и он не мог взять в толк, почему не узнал об этом раньше.

Миссис Макбейн со вздохом поставила чашку на стол.

— Она умерла недавно. К концу дня, я уверена, новость уже разнесется по округе. — Джарвис, догадывалась она, мнил, будто ему известно обо всем, что происходит в городке. Разумеется, всего тот не знал, но все равно гордился своей осведомленностью. — Доктор сказал, пришло ее время. Ей ведь было семьдесят восемь.

— Да, пожалуй, — протянул инспектор, стараясь вспомнить имя няни.

— Если честно, я в этом не уверена, — продолжала миссис Макбейн. — На здоровье она не жаловалась, была крепкая, энергичная. Любой, кто видел ее, не дал бы ей и шестидесяти! И вдруг неожиданно умирает от старости. По мне, это как-то подозрительно.

Джарвис задумчиво кивнул. Если попросить еще печенье, это будет неприлично?

— Ко всему прочему, один из лакеев заболел, — добавила миссис Макбейн, словно разговаривая сама с собой. — А ему семьдесят восемь не скоро будет.

У инспектора свело живот.

— Думаешь, это та болезнь, о которой пишут в газетах? — встревожился он.

— Не знаю, но меня отнюдь не утешает, что мы за один день потеряли сразу двух слуг, причем внезапно: ни у кого

из них признаков заболевания не было.

Джарвис не успел обдумать полученную информацию, как в комнату влетел запыхавшийся констебль.

– Сэр! – обратился он к инспектору, тяжело дыша. – Мы только что нашли удочку его светлости. На берегу реки, сразу же за винокурней.

Джарвис схватил шляпу и вскочил на ноги.

– На реке? Веди меня туда. Поиски сосредоточим вдоль реки, вниз по течению от того места. Спасибо за чай, Элис. – С этими словами инспектор вместе с констеблем быстро вышел из комнаты.

Миссис Макбейн в задумчивости мелкими глотками пила чай. На берегу реки за винокурней? Должно быть, он имел в виду запруду. Некая неуловимая мысль промелькнула на задворках ее сознания. Запруда. На несколько мгновений женщина погрузилась в глубокие раздумья, из которых ее вывели горничные, сновавшие мимо комнаты с подносами в руках. Она встала, мысленно встряхнулась. Само по себе в доме ничего не делалось. В ее обязанности входило обеспечивать надлежащий порядок.

Хадсон накрыл стол к чаю не в малой столовой, а в библиотеке, решив, что господам лучше дожидаться известий в более просторной комнате, где было место походить. За завтраком все нервничали, то и дело изливая свое раздражение.

Леди Джорджина, прибыв в Лок-Даун, озадаченно взгля-

нула на дворецкого:

– Хадсон, почему здесь?

Тот в ответ лишь кивнул на собравшихся. Леди Джорджина обернулась и увидела, как Белла с Ангусом переругиваются по поводу сорта чая, который им подали, а Сесил буравит злым взглядом Хью, читающего измятую порванную газету с самодовольной улыбкой на лице. Она снова повернулась к дворецкому и устало кивнула.

Леди Инверкиллен сидела за письменным столом и смотрела в окно, но не рассеянным взглядом, как обычно, а напряженным и сосредоточенным. Она хмурилась, глядя на газон: по двору бегали дети.

– Хадсон, будьте любезны, велите няне отвести малышкой в детскую. Сейчас им не время гулять на улице.

Хадсон испуганно метнул взгляд в окно. Обеспокоенный, что дети предоставлены сами себе, он немедленно отправил к ним лакея.

– Мама, няня же умерла, – напомнила Белла, подходя к окну. – Или ты забыла? Пока за детьми присматривает Айрис.

Леди Джорджина тоже подошла к окну.

– Очевидно, плохо присматривает, – фыркнула она, заметив, как голый малыш нырнул в живую изгородь по краю газона. Вдовствующая графиня обернулась к присутствующим. Пересевшая на диван леди Инверкиллен уставилась на огонь. Элспет теребила свою юбку. Леди Джорджина решила

разрядить атмосферу.

Элегантно присев на диван, она обернулась к Элспет:

– Как тебе показался новый туалет леди Карру? В мое время женщины ее возраста не осмеливались так сильно оголять шею и плечи.

Элспет рассеянно посмотрела на мать:

– Леди Карру? Это дама в желтом? По-моему, не так уж и сильно она оголилась.

Констанция закатила глаза.

– Сразу видно, ты давно живешь во Франции.

Проигнорировав ее замечание, Элспет добавила:

– И цвет ей идет.

Белла, прекратив перепалку с братом, с достоинством опустилась на диван рядом с теткой.

– На мой взгляд, слишком вычурно, но эффекта почти никакого. Ей бы надеть ожерелье покрупнее, чтобы отвлекало внимание от ее декольте.

Леди Джорджина одобрительно закивала.

– А мне понравилась ее тиара, – вставила Констанция. – Такая изящная. Правда, думаю, она лучше бы смотрелась на темных волосах. – Она непроизвольно тронула собственные темные волосы.

– Говорят, они сделали с нее копию, а оригинал продали.

– Белла! – Леди Джорджина была шокирована и взволнована. – Где ты это слышала?

Следующие несколько минут они вяло обсуждали бал, но,

когда часы пробили одиннадцать, беседа затихла сама собой. Все пребывали в ожидании с девяти часов, и воздух в комнате звенел от напряжения. Хадсон принес поднос с чаем и пирожными.

Какое-то время леди Джорджина молча пила чай, но потом тишина стала ей невыносима, и она завела разговор на свою любимую тему: как трудно найти хорошую прислугу. Объявление о том, что требуется камеристка, уже полдня висело в городке, а желающих так и не нашлось. Леди Джорджина никак не могла этого осознать. Ева снова предложила дать объявление в «Леди».

– Не думаю, что до этого дойдет, – небрежно отмахнулась леди Джорджина. – Виктория, я очень рассчитываю на помощь Максвелл. Спасибо, что согласилась присылать ее ко мне. Сегодняшнее утро было настоящей катастрофой. Обычная горничная – самый крайний случай. С обученной камеристкой не сравнить.

Леди Инверкиллен едва заметно улыбнулась свекрови и, потягивая чай, снова отвернулась к огню.

В противоположном конце библиотеки Ангус с Фергюсом без энтузиазма обсуждали предстоящий деревенский праздник, который ежегодно устраивали в июне. Они решали, следует ли и в этом году проводить матч по регби. Игра всегда заканчивалась травмами и обидами, и никто из победителей прошлого года так и не признался, у кого находится призовой кубок, который принадлежал 16-му графу и обычно вы-

ставлялся в пабе. Тогда празднование вышло из-под контроля, и с того вечера кубок больше никто не видел.

Хью по-прежнему читал газету, демонстративно шурша страницами. Сесила это раздражало. Он сел в другое кресло и удовольствовался старым номером «Кантри лайф»¹², за тот год, когда Элспет дебютировала в свете. Пролистав журнал, он нашел ее портрет в рубрике, посвященной дебютанткам. Родители постарались удачно выдать сестру замуж, отметил он про себя. Посмотрев на ее мужа Филиппа, играющего в шахматы у эркерного окна, Сесил невольно задался вопросом, большой ли у них замок.

Потайная дверь в глубине библиотеки отворилась. Вошедший в нее лакей быстро пересек комнату и, остановившись перед Хадсоном, что-то шепнул ему.

– Не может быть! – охнул дворецкий, побледнев. Все, кто был в комнате, разом обернулись на него.

– Хадсон! – окликнула его со своего места леди Джорджина. – Что случилось?

– Лорда Инверкиллена нашли, миледи. Как это ни приискорбно, он мертв.

Наконец-то Джарвис стоял рядом с врачом. Он никак не мог отдышаться. Когда прозвучал свисток констебля, все,

¹² «Сельская жизнь» (Country Life) – иллюстрированный еженедельный журнал для читателей среди землевладельцев, фермеров и т. п. Издается в Лондоне с 1897 г.

кто был задействован в поисках, бросились в ту сторону. Джарвис в тот момент находился у запруды и был вынужден продираться сквозь лес, вдоль реки. Сразу он не определил, что бежать до констебля далеко. Когда инспектор уже хотел остановиться, река резко повернула, и с излучины он увидел старую часовню и группу сгрудившихся мужчин, смотрящих на землю.

– Полагаю, смерть в результате утопления, – заключил врач. – Есть рана на затылке, но, скорее всего, она получена от удара о камни в реке.

Джарвис уперся руками в колени и нагнулся над трупом, надеясь, что со стороны он выглядит задумчивым, а не выдохшимся от бега.

– Значит, несчастный случай? – уточнил он, тяжело отдуваясь. «Боже, оказывается, я совсем не в форме».

– Это вам решать. С моей точки зрения, он просто утонул. Граф был не самым спортивным человеком. – Врач закрыл свой саквояж и посмотрел на наручные часы. Как раз время второго завтрака, а он, чего уж тут говорить, проголодался, ведь день его начался раньше обычного. – Утонул вчера, примерно в три часа дня. Дайте знать, если понадобится вскрытие. Всего доброго. – Врач зашагал прочь, предоставив Джарвису решать, как ему действовать дальше.

А дальше следовало поставить в известность семью. Не самая приятная часть работы. Да и кому понравится? Господи, ну почему он просто не сбежал с любовницей? Как ска-

зять его жене, что муж умер? Такие новости сообщать нелегко. Если ты зачем-то понадобился Всевышнему, он тебя забирает, говаривала его мать. Выходит, Хэмиш понадобился Господу. Так ли? Безусловно. От несчастных случаев никто не застрахован, даже аристократы.

– Элис? – тихо окликнул Джарвис, просунув голову в небольшой кабинет. – Мне нужно встретиться с семьей.

Миссис Макбейн подняла на него полный тревоги взгляд:

– Значит, это правда?

Джарвис кивнул. Как ей удастся всегда быть на шаг впереди?

– Что ж. Пойдем. Они в библиотеке.

В помещении для слуг стояла неестественная тишина – значит, они уже все знали. Силясь не отставать от миссис Макбейн, Джарвис снова начал задыхаться. Его удивляло, что надо идти так далеко. Он знал, что дом большой, но чтобы настолько... Наконец они подошли к обитой зеленым сукном двери, ведущей в оружейный зал.

– Ну у вас здесь и расстояния! – заметил инспектор, переводя дух. – И ты каждый день так далеко ходишь?

Миссис Макбейн посмотрела на него с удивлением и насмешкой:

– Да, по несколько раз на дню. – Качая головой, она быстро прошла через просторный зал и остановилась перед потайной дверью. Чуть помедлила, затем открыла ее и отсту-

пила в сторону, пропуская его. — Я подожду здесь.

Все семейство действительно собралось в библиотеке. Кто-то сидел, кто-то расхаживал по комнате, несколько человек курили. Все ждали прибытия полиции, что их совершенно не радовало. На вошедшего инспектора Джарвиса никто не обратил внимания. Несколько мгновений он наблюдал за собравшимися. Хадсон командовал лакеями, подававшими чай и бренди господам. Когда те закончили свое дело, дворецкий отослал их, а сам встал в углу, не привлекая к себе внимания. Все молчали.

Джарвис помнил с детства Сесила и Элспет и, конечно, леди Джорджину. На личное знакомство с ними он, разумеется, не претендовал, но любой, кто вырос в маленьком городке, знал всех или о существовании всех, тем более если говорить о представителях аристократических семей. Некоторое время инспектор рассматривал собравшихся, пытаясь определить, кто есть кто. Его взгляд упал на Айрис. Должно быть, тоже член семьи, заключил он. Одна из дочерей Элспет? А вон та кто? Пока он недоумевал по поводу Евы, Фергюс поднял голову и заметил инспектора. Джарвис кивнул, кашлянул и сделал шаг вперед, осматривая большую комнату: стены, облицованные темными панелями, люстры, портреты в золоченых рамах. Для библиотеки книг не очень много, подумал он, но быстро отбросил эту мысль. Он здесь не на экскурсии.

— Добрый день. Позвольте представиться: инспектор

Джарвис. Мы нашли лорда Инверкиллена. К сожалению, у меня для вас не очень хорошие новости.

– Вы опоздали с новостями, инспектор, – оборвала его леди Джорджина. – Видимо, они разносятся быстрее, чем ходите вы. Как это случилось?

Джарвис опешил от ее резкого тона. Она держалась слишком деловито для женщины, которая только что потеряла сына. Он остановил взгляд на Фергюсе.

– Мм... У запруды мы нашли его удочку. Судя по всему, он упал в реку и утонул. – Джарвис умолк, ожидая реакции родных лорда Инверкиллена. Но те безучастно смотрели на него, и инспектор, прочистив горло, добавил: – С вашего позволения, мне хотелось бы задать вам несколько вопросов. Я понимаю, сейчас не самое подходящее время...

– Не самое подходящее? – грубо перебила его Белла, резко поднявшись с дивана. – Инспектор, а какое, по-вашему, подходящее время для опроса скорбящих родственников? – Решительным шагом она удалилась в конец комнаты.

Джарвис глупо себя чувствовал, но служебный долг нужно было исполнять.

– Я понимаю, вы потрясены, но мне хотелось бы иметь более полную картину о вчерашних передвижениях лорда Инверкиллена. Чтобы отмести всякие сомнения. – Проклятие! Ну вот зачем он ляпнул эту последнюю фразу?

– Отмести сомнения? – переспросила леди Джорджина, глядя на него с любопытством. – Какие именно сомнения,

позвольте уточнить?

Джарвис затруднялся определить, в замешательстве ли она или рассержена. Он надеялся, что леди Джорджина просто растеряна. Джарвис на мгновение уткнулся взглядом в пол, не зная, как сформулировать ответ.

– Разумеется, это был несчастный случай. – Леди Джорджина изумленно оглядела комнату. – Вы же не думаете, что это было... как это у вас называется? Убийство? Что за бред! Кому это надо?

Судя по тому, что в городке болтали об этой семье, убить мог любой из них. Однако это соображение Джарвис оставил при себе.

– Таков порядок, миледи, – произнес он как можно более умиротворяющим тоном.

– Что вы желаете знать, инспектор? – Леди Элспет держалась с поразительной невозмутимостью. Странная реакция. Чопорность – одно, но это... легче из камня выжать слезу. Если он правильно помнил, она была намного моложе брата; возможно, они не были близки.

Джарвис глянул в свой блокнот, куда он записал несколько вопросов.

– Кто-нибудь сопровождал его на рыбалку? – Ответа не последовало. – Или видел, как граф уходил из дома? – Снова молчание.

Инспектор уже начинал раздражаться, но тут наконец-то Фергюс соизволил ответить:

– Отец оставался с Ангусом в географическом зале, когда я оттуда ушел. Кажется, было около трех часов дня, – холодно произнес он. – Ангус? Мама? Он упоминал, что собирается на рыбалку?

– Что? Нет. Точно нет. – Ангус был весьма недоволен, что к нему обратились. – Когда это отец делился с кем-либо своими планами? Вы же знаете, какой он. Был. – Ангус достал серебряный портсигар и стал прикуривать сигарету, безуспешно пытаясь зажечь спичку, пока Хью, поднявшись со своего места, не сделал это за него.

Леди Инверкиллен, безмятежная и спокойная, смотрела на огонь в камине. Джарвис сомневался, что она вообще слушает их разговор. И она... напевает? Ее мужа только что нашли мертвым в его собственных владениях, а она напевает? До чего странная семейка, заключил инспектор.

– Мама. Отец говорил, что собирается на рыбалку? – повторил свой вопрос Фергюс, на этот раз гораздо громче. Джарвис решил, что у леди Инверкиллен, возможно, проблемы со слухом.

Она повернулась и посмотрела на Джарвиса. Точнее, сквозь него расфокусированным и затуманенным взглядом. Инспектора это нервировало. В следующее мгновение она отвела от него глаза и заговорила, обращаясь к сыну:

– Что? Нет, я принимала ванну. После долгой дороги ванна – сущее блаженство. Творит чудеса. Розмарин и можжевельник особенно укрепляют силы. Максвелл предложила

добавить немного померанцевого цвета, чтобы унять головную боль. Разумеется, она оказалась права. Она всегда права. Даже интересно, что она посоветует теперь. Может быть, лаванду. Да, пожалуй, лаванда подойдет. Вместе с лимонной мятой. Только ее надо класть совсем немного, чтобы успокаивала нервы, но не перебивала другие ароматы. Чтоб было ненавязчиво. Надо еще заказать в «Хамблдонз». – Леди Инверкиллен встала и направилась к двойным дверям. – Хадсон, пожалуйста, отправьте ко мне коридорного. Он как раз успеет доставить ее сегодня. – С этими словами она удалилась. Все взгляды обратились на Джарвиса. Тот онемел.

– Инспектор, вы должны простить мою невестку, – сказала леди Джорджина. – Горе творит с нами странные вещи. Я уверена, это шок.

– Да... – медленно протянул Джарвис. Он никогда прежде не встречал леди Инверкиллен; мало кто в деревне вообще ее видел. Все возможные комитеты возглавляла леди Джорджина; ее невестке и заняться-то было нечем.

– У вас все, инспектор? – уточнил Фергюс, привлекая внимание Джарвиса.

– Хм? А-а, нет. Граф рыбачил в одиночку или, может, с кем-нибудь? Часто он ходил на рыбалку после обеда?

– Отец предпочитал рыбачить в одиночку, инспектор. У меня сложилось впечатление, что на рыбалке он отдыхал от нас. – Несколько человек, нахмурившись, закивали. – Но вы поговорите с его камердинером Маккеем. Он вам точно ска-

жет, в котором часу ушел отец.

– Да, непременно поговорю. Спасибо. – Джарвис медлил со следующим вопросом. Некоторые из присутствующих решили, что инспектор выяснил все, что хотел, и стали подниматься со своих мест. – Он часто ходил на рыбалку? – во весь голос осведомился Джарвис. – Может быть, у него было любимое место? У меня, например, есть.

По комнате пронесся всеобщий вздох. Ответов на его вопросы никто не знал. Джарвис чувствовал, как от членов семейства исходят презрение и враждебность, и в нем зародилось подозрение. Что они скрывают? Но чем больше он расспрашивал о привычках и образе жизни графа, тем меньше о нем узнавал. Будь тот посторонним человеком, вероятно, его домочадцы имели бы о главе клана куда более полное представление, если судить по результатам утренней беседы. Возможно, они просто не очень наблюдательны, рассуждал про себя Джарвис. С другой стороны, как можно почти ничего не знать о человеке, с которым живешь под одной крышей? Разве это нормально? У инспектора начинала болеть голова.

– Понимаете, запруда – весьма странное место для рыбалки. У подножия водопада рыба не задерживается. – Инспектор обвел взглядом семейство. Они все смотрели на него, и на их лицах читалось непонимание. – Там ей нечем кормиться. Словно он туда не рыбачить пришел.

– Кто, скажите на милость, идет на рыбалку без намерения рыбачить? – рявкнул Ангус, теряя терпение.

– Знаете, мне некогда здесь прохлаждаться, у меня дела, – раздраженно заявила Белла. – Надеюсь, вы закончили? – Не дожидаясь ответа, она встала и пошла к выходу.

– Нет, не совсем, – оскорбленным тоном заявил Джарвис, к удивлению Фергюса. Белла повернулась, закатив глаза. Другие заерзали на стульях. – Да и время для рыбалки неподходящее... – попытался продолжить он.

Леди Джорджина, отметил Джарвис, поднялась на ноги весьма проворно для женщины ее возраста.

– Инспектор, можно целый день гадать о предпочтениях и побуждениях Хэмиша, но осмелюсь предположить, мы никогда не узнаем, почему он выбрал для рыбалки то место, или то время, или ту приманку, а не другую. Он был очень замкнутый человек. А теперь, с вашего позволения, я должна заняться делами. Мне предстоит написать много писем. – Она направилась из библиотеки. – Хадсон, будьте добры, велите подать машину.

Джарвис опомниться не успел, как леди Джорджина покинула комнату, что, по-видимому, послужило сигналом для остальных. Некоторые из приличия сочли необходимым сказать что-то в свое оправдание, другие просто ушли. Джарвис мог бы поклясться, что слышал, как кто-то упомянул партию в теннис. И это в такой момент? Инспектор покачал головой и вскоре осознал, что стоит один посреди опустевшей библиотеки. Он совершенно растерялся.

– Сэр, если вы готовы, я вас провожу. – Хадсон жестом

указал на дверь, терпеливо ожидая инспектора. Джарвис последовал за ним, недоумевая, что все это значит.

На нижнем этаже царило мрачное настроение. Никто не знал, что сказать. Сначала няня, теперь – это.

Миссис Макбейн собрала всю прислугу, чтобы сообщить печальную новость. Она решила, пусть лучше узнают от нее, чем будут перемалывать сплетни. Дел неувпоровот, а утром еще и кухонная служанка заболела. Няня, Арчи, теперь вот кухонная служанка. Миссис Макбейн было некогда волноваться об этом. Оставалось надеяться, что никто из господ ничего не узнает, ведь похороны – это дополнительные хлопоты. Нужно найти и привести в порядок траурные туалеты всего семейства; вне сомнения, придется заказать несколько новых вещей. Прислуге понадобятся траурные повязки. Коридорного надо послать в город, чтобы тот заказал писчую бумагу с траурной символикой и черным гербом Инверкилленов, а одну из служанок вместе с кем-нибудь из лакеев – на чердак за траурным столовым бельем, которое понадобится для приема после похорон. Серебро необходимо начистить, повседневный хрусталь заменить на свадебный сервиз эпохи Регентства. Вместо обычных цветов украсить дом белыми непахнущими букетами. В оружейном зале – положить семейную книгу соболезнований для посетителей, которые будут приходить без приглашения. В библиотеке – поставить стол для открыток, писем и телеграмм с выражениями собо-

лезнования, а перестановка мебели всегда вызывала споры в семье. Миссис Макбейн знала, что использовать для этой цели чайный столик не позволят – куда же тогда ставить поднос с чаем? – и уж точно начнется ругань по поводу того, какой стол смотрится наиболее солидно. В такой обстановке ей меньше всего нужно, чтобы прислуга отвлекалась на сплетни и слухи. Она изложила все это собравшимся слугам, и те молча выслушали. Вопросы возникли только у одной из горничных – Дейзи.

– Я думала, вдовствующая графиня – это леди Джорджина. А кто же она теперь, раз леди Инверкиллен овдовела? И где леди Инверкиллен будет жить, если Драммонд-Хаус принадлежит леди Джорджине?

Дейзи в поместье служила недавно и еще не совсем усвоила порядок наследования, но даже миссис Макбейн пребывала в растерянности на этот счет. Ни леди Джорджина, ни Констанция, новая графиня, не любили делиться с другими, поэтому она сомневалась, что с пожеланиями леди Инверкиллен кто-то будет считаться. Леди Инверкиллен перестанет быть хозяйкой. И, похоже, ей все равно, подозревала миссис Макбейн.

– Думаю, леди Виктория будет располагаться в своих покоях, пока не выйдет из траура. Потом Ангус, то есть его светлость, решит, где она будет жить. – Правда, миссис Макбейн сомневалась, что обойдется без скандала. Как-то непривычно было называть Ангуса «его светлостью», но они

приспособятся.

– А Ангус, то есть его светлость, раз он теперь граф, оставит нас? – спросила Дейзи с тревогой в голосе. Миссис Макбейн подавила вздох. У девочки слишком много вопросов, но в принципе они были правильными.

Ни для кого не было секретом, что Ангус ненавидел родовое поместье, но, как наследник, он находился под контролем отца и был вынужден жить в Лок-Дауне. Теперь же, став графом, он мог поступать по своему усмотрению. По словам лакея Олли, Ангус не раз заявлял, что, вступив в наследство, он продаст поместье и уедет за границу. Это была отрезвляющая мысль. В городе немного найдется работы для горничных и лакеев.

– Кто бы ни был главой семьи, без прислуги им здесь не обойтись. – Из кухни появилась, вытирая руки о передник, кухарка миссис Бернсайд. – Так, а теперь давайте-ка все за работу.

Миссис Макбейн взглядом велела старшим слугам задержаться, и, когда остальные вернулись к своим обязанностям, они прошли в ее гостиную и уселись на стулья.

– Что это значит для нас? – спросила миссис Бернсайд, еще более обеспокоенно, нежели Дейзи. В комнату бесшумно проскользнул шофер Локридж и сообщил, что узнал о трагедии от горничной леди Джорджины.

– Трудно сказать, – ответила миссис Макбейн. С минуты они молчали. – Слишком мало времени прошло. Мне бу-

дет спокойнее, если мы будем знать, что все закончилось. — Они все посмотрели на камердинера умершего графа, Маккея. Тот кивнул и вышел.

— Инспектор уверен, что это несчастный случай? — уточнил Локридж с тревогой на лице.

— Несчастный случай — наиболее предпочтительная для него версия, — вздохнула миссис Макбейн. — Даже при наличии множества улик, доказывающих обратное, он упорно настаивает на несчастном случае или неудачном стечении обстоятельств, подобно тому, как некоторые верят в чудеса. — Она внимательно посмотрела на Локриджа: — А у тебя, полагаю, на этот счет есть сомнения?

Локридж пересказал разговор, состоявшийся между Сесилом и леди Джорджиной. Объяснил, что покойная супруга Сесила оставила мужа ни с чем и тот остро нуждается в деньгах. Локридж — единственная ниточка между Лок-Дауном и вдовьим домом — был бесценным источником информации.

— То есть он вообще ничего не получил? — охнула миссис Бернсайд, радостно переглянувшись с миссис Макбейн.

— Совершенно верно. Все ее состояние отошло некоему дальнему родственнику из Лондона, — подтвердил Локридж. — Поэтому, естественно, я сразу подумал...

— ...а упомянут ли майор в завещании его светлости, — закончила за него миссис Бернсайд. Локридж мрачно кивнул.

— Майор, конечно, жадноват, но на убийство, мне кажется, не способен, — рассудила миссис Макбейн. — К тому же вряд

ли он вообще знает, где находится запруда.

Они все усмехнулись. Сесил не любил бывать на природе: боялся испачкаться. Что само по себе было странно, учитывая его страсть к переодеванию. Он отдавал в стирку самую большую кучу грязной одежды.

– Сейчас меня больше беспокоит то, – серьезным тоном начала миссис Макбейн, – что у нас заболели два человека. Мы все читали в газетах про ту болезнь. А что, если няня принесла сюда эту заразу с бала?

В лицах всех промелькнул испуг.

– Но ведь болезнь свирепствует на юге, – с волнением в голосе заметила миссис Бернсайд. – А мы живем фактически в глуши!

– Арчи ни разу в жизни не болел, а теперь сам с постели встать не может. – Миссис Макбейн обвела взглядом собравшихся. – Если это то, о чем мы читали, думаю, их нужно переместить куда-нибудь, пока остальные не заразились.

– Переместить? – переспросил Маккей. – Куда?

– Не знаю, – покачала головой миссис Макбейн. – Но мне станет гораздо спокойнее, если они не будут спать рядом с нами. – В комнате наступила тишина: все погрузилось в глубокие раздумья.

При стуке в дверь все вздрогнули, и Локридж пошел открывать. Коридорный изумился, застав в маленькой гостиной экономки всю старшую прислугу, но быстро оправился от удивления и сообщил, что миссис Макбейн желает видеть

леди Инверкиллен.

– Спасибо, Том. – Повернувшись к остальным, та тихо сказала: – Пока подумайте, куда их можно переместить, а вечером, после ужина, обсудим.

Старшие слуги стали расходиться.

– А за детьми кто присматривает? – обернувшись, уточнила миссис Бернсайд.

– Мисс Айрис, естественно.

– Бедняга, – посочувствовала ей миссис Бернсайд. – С нами тяжело в хорошие времена, но без няни ей не справиться. Они будут голышом носиться по лесу до самого заката, помяните мое слово.

– Пусть лучше присматривает она, чем мы, – буркнул Локридж. Они обменялись угрюмыми взглядами.

На следующее утро, когда еще не рассвело, в комнату миссис Бернсайд заколотила кухонная служанка.

– Ты что так стучишь? – отругала ее кухарка, открывая дверь. – Мертвого разбудишь!

– Простите, миссис Бернсайд, – выдохнула служанка. Она была в панике. – Я не знаю, что делать. Нигде не могу найти мисс Максвелл, а поднос с завтраком для ее светлости все еще на кухне.

– Что?! – Миссис Бернсайд в смятении покачала головой. Сама она с утра еще не выпила чаю, и в голове у нее стоял туман.

— Я всюду ее искала. Сначала пошла в комнату мисс Максвелл, но там ее не оказалось. Потом проверила уборную, потом комнату для обуви, смотрела в прачечной, на хозяйственном дворе — подумала, может, курит, хотя она не курит, но мало ли... — Служанка перевела дух. — Ее нигде нет, а сама я ведь не могу отнести поднос ее светлости. Что делать?

Теперь запаниковала миссис Бернсайд. Пытаясь скрыть беспокойство, она отослала служанку на кухню готовить подносы с завтраком для остальных господ, а сама нашла миссис Макбейн.

— Как это поднос еще на кухне? — Миссис Макбейн глянула на часы. — Господи помилуй, уже четверть седьмого. Через пятнадцать минут ее светлость будет принимать ванну.

— Это вряд ли. Готова поспорить, она не знает, как сделать себе ванну. Как же мы поступим?

— Давай так. — Миссис Макбейн ту же затянула на себе пояс халата. — Пока я буду одеваться, освежите поднос. Я сама отнесу завтрак ее светлости. А ты найди Максвелл. Через сорок пять минут ей нужно быть в Драммонд-Хаусе. И мне не хотелось бы бледнеть перед леди Джорджиной, если она не придет туда вовремя.

Спустя пятнадцать минут миссис Макбейн тихо постучала в покои леди Инверкиллен и, судорожно вздохнув, вошла в ее гардеробную. Ха! Та наливала себе ванну. Миссис Макбейн проиграла пари.

— Максвелл, ты припозднилась! — крикнула леди Инвер-

киллен. – Это на тебя не похоже. Что случилось? Мне придется обойтись без завтрака. – Она была раздражена, но не сердилась. Слава богу.

Миссис Макбейн поставила поднос на стол и пригладила на себе юбку.

– Это я, ваша светлость. Боюсь, Максвелл с утра нездоровится. Простите, что поздно принесла вам завтрак. Это выяснилось только что.

Леди Инверкиллен вошла в гардеробную. Увидев ее в слегка запахнутом шелковом халате, миссис Макбейн оторопела. Ее светлость была очень худа, казалось, просто просвечивала насквозь. Дабы не глядеть на нее, экономка принялась переставлять посуду на подносе с завтраком.

– Нездоровится? – переспросила леди Инверкиллен. – Почему ни на кого нельзя положиться в трудные времена? – Тяжело вздохнув, она словно обмякла всем телом. – Что ж... Оставьте там поднос. Я сама оденусь. – Она повернулась и пошла в ванную.

– Слушаюсь, миледи. – Миссис Макбейн поклонилась и, покинув комнату, вздохнула с облегчением. Не так уж и страшно, как она боялась. Вот будь это Белла... От этой мысли экономка содрогнулась. У черной лестницы ее внимание привлекло шуршание ткани. Она резко обернулась и увидела в коридоре мисс Максвелл. Лицо у той было пепельное.

– Где вы ходите? – в гневе зашипела на нее миссис Макбейн. – Мне пришлось самой отнести завтрак ее светлости.

Причем с опозданием. Я объяснила, что вы приболели, так что не попадайтесь ей на глаза, а то получится, будто я солгала. Она сама налила себе ванну и сама оденется сегодня утром, но, право, мисс Максвелл, хоть вы мне и не подчиняетесь, ваше поведение неприемлемо.

У Максвелл хватило совести изобразить раскаяние. Миссис Макбейн уже собралась было идти дальше, как та едва слышно прошептала:

– Я знаю. Спасибо, миссис Макбейн, что помогли мне. Я вам очень признательна.

Миссис Макбейн отметила, что на Максвелл лица нет. Повернувшись к камеристке, она впервые внимательно посмотрела на нее. Волосы растрепаны, платье помято. Должно быть, Максвелл спала прямо в одежде, хотя Мейзи говорила, что камеристки не было в комнате, когда она к ней постучалась. Очень странно.

– Что с вами, Флора? Вам нездоровится? – искренне встревожилась миссис Макбейн. – Эта болезнь, что всех косит...

– Я здорова. Просто немного не в себе. Лорд Инверкиллен... Сначала няня Маккензи, теперь он. Из моих знакомых еще никто не умирал. То есть из близких знакомых. Не то чтобы они были близкими... ну вы понимаете. Просто я... просто... все это очень печально.

– Печально? – Миссис Макбейн наградила ее суровым взглядом. – Господи, ну-ка возьмите себя в руки и прини-

майтесь за работу. Из-за вас мы все сегодня утром оказались в весьма затруднительном положении. Если б так поступила одна из моих горничных, я бы мигом выставила ее на улицу искать новую работу. Вам повезло, что ее светлость была лишь немного раздосадована. Так, давайте-ка приведите себя в порядок. Через полчаса вы должны быть во вдовьем доме. В таком состоянии, как сейчас, разве вы сможете одевать леди Джорджину?

Максвелл поплелась прочь, а миссис Макбейн задумалась об их разговоре. Было видно, что камеристка расстроена, глубоко расстроена. С чего бы это? Смерть няни для всех стала потрясением, но никто из них особо близок с ней не был. Максвелл так сильно переживает, будто умерла ее светлость. Очень странно. Но миссис Макбейн недосуг было беспокоиться об этом. Она скользнула за обитую зеленым сукном дверь и направилась в кухню с твердым намерением проследить, чтобы утром больше не было никаких неприятностей.

Позавтракав, Белла нетерпеливо ждала, когда камеристка Констанции придет и поможет ей одеться. Личной служанки она не имела, и ее это всегда уязвляло. Какой смысл принадлежать к аристократии, если у тебя нет своей горничной? Из года в год она просила для себя камеристку и каждый раз получала отказ.

Констанция, войдя в их семью, привела с собой свою до-

веренную служанку, и Белле нехотя позволили тоже пользоваться ее услугами. Ей пришлось смириться с тем, что она находится на положении второй после жены брата. Констанции первой приносили поднос с завтраком. Констанция первой принимала ванну и одевалась. Позднее, выйдя замуж, Белла понадеялась, что теперь-то уж ей точно выделяют личную служанку. Но миновала неделя после медового месяца, а камеристка так и не появилась, и она поняла, что у нее с Констанции по-прежнему будет одна горничная на двоих. Белла кипела от негодования. Это унижительно, возмущалась она. Замужней даме полагается своя камеристка. Уж на служанку-то деньги найти можно. Рабочие руки стоят дешево.

Белла неделями ругалась с отцом по этому поводу. Хью, ее новоявленный супруг, лишь безвольно стоял рядом. Будучи вторым сыном в семье, он не имел финансовых средств, чтобы потакать прихотям супруги. Замуж она вышла за того, кого выбрали для нее родители, рассуждала Белла. Родила детей, как от нее требовалось. Свой долг она исполнила и взамен хотела получить то, что полагалось ей по праву, – камеристку. Это же сущий пустяк. Когда отец сказал свое последнее слово, Белла поняла – разговор окончен, но обида осталась. Потом наконец книги Хью стали распродаваться, у них появились свои деньги, и Белла принялась искать камеристку, радуясь, что ее работу оплатит муж. Но отец, прослышав про намерения дочери, вызвал ее в географический зал. А вызов в географический зал не сулил ничего хороше-

го. Споры между ними не утихали почти неделю. Граф ни за что не хотел уступать желанию дочери. Не объясняя причины, он заявил: пока Белла живет в родовом поместье, она будет пользоваться услугами камеристки Констанции. Белла с месяц бунтовала и с тех пор отношения с отцом так и не наладила.

Потом объявили о скорой женитьбе Фергюса, и Беллу стала занимать одна мысль: как убедить отца в том, что ей необходима собственная камеристка. Она ни за что не допустит, чтобы ее обслуживали третьей, после Евы. Пропустить вперед себя дочь торговца? Называйте ее «леди Евой» сколько угодно, только вот титул у нее купленный. Нет, больше подобного унижения она не потерпит. В своем собственном доме она будет первой, даже если ради этого придется продать собственного ребенка.

Однако события минувшего вечера все изменили. Отец умер и возражать теперь не мог. А Ангус не посмеет ей отказать, рассудила Белла. Напевая себе под нос, она села за письменный стол и принялась составлять объявление. Утренняя ванна подождет.

Ближе к обеду в Лок-Даун прибыл его преподобие Малькольм Дуглас, викарий церкви Сент-Эндрю на озере Лок. По его словам, он пришел выразить соболезнования и узнать, не нужна ли помощь. Хадсон проводил его в библиотеку и, не зная пока, кто теперь глава дома, отправился докладывать о

визитере Ангусу и леди Инверкиллен.

Преподобный Дуглас, упитанный мужчина лет пятидесяти пяти, вкусную еду любил больше, чем Господа. Тем не менее викарий он был хороший, и в городке его уважали. Проповеди он читал короткие и дельные. В своей церкви учредил такое мероприятие, как песнопения с коктейлями, которое проводилось каждое лето, чтобы собрать средства для местного сиротского приюта. Он слыл ярым болельщиком местной команды по керлингу, пятикратного чемпиона графства. И еще был известен тем, что имел привычку навешиваться к прихожанам перед самым обедом. При этом он неизменно изображал удивление по поводу своего «неурочного» часа и всегда принимал любезные – сквозь зубы – приглашения хозяев отобедать вместе с ними. Ходили слухи, что он ежемесячно составлял график своих посещений, дабы не нарваться на одни и те же блюда. В этом была доля истины. Сегодня, во вторник, преподобный надеялся, что в Лок-Дауне ему удастся полакомиться кусочком жареного кабана с печеными яблоками.

Ожидая, когда к нему выйдет кто-то из хозяев, он рассматривал одну особенно красивую книгу. Держать в руках столь редкое издание для него было сущим наслаждением. В библиотеку вошла Белла, и у викария упало сердце: от нее-то приглашения на обед не дождешься.

– А, преподобный Дуглас. Боюсь, сейчас все заняты и вам придется пообщаться со мной. Мои извинения. Чем могу

быть полезна? – Белла не стала садиться и ему не предложила присесть.

Преподобный неохотно положил книгу на место.

– Я пришел выразить соболезнования, леди Аннабелла. Должно быть, для вас всех это ужасное потрясение. Лорд Инверкиллен был замечательный человек. Умереть во цвете лет... это так жестоко.

– Да-да, вы правы, – тихо согласилась Белла, вполуха слушая его болтовню. Быстро прочувствовал ситуацию, подумала она. Наверно, испугался за себя. Церковь и домик викария находились на территории поместья, и Белла знала, что именно их семья решает, оставить его или уволить. Сегодня им меньше всего был нужен любитель посплетничать. Она должна избавиться от него.

– Пожалуйста, дайте знать, что от меня требуется. Я полностью в вашем распоряжении. – При последних словах Дуглас чуть поклонился.

– Ваше преподобие, мы пока еще не обсуждали организационные вопросы, вы же должны понимать, несчастье случилось только вчера. Как только определимся, непременно вам позвоним. – Белла попыталась проводить Дугласа к выходу.

– А-а, викарий, как хорошо, что вы зашли. Надеюсь, вы останетесь на обед? А после как раз обсудим приготовления. – Леди Джорджина, материализовавшись ниоткуда, взяла викария под руку и повела его в столовую. – Я тут подумала, может быть, вы прочтете что-нибудь из святого Иоан-

на, а потом надо исполнить тот гимн, который ему нравился... Как он называется? Ну, вы знаете: та-та-та, та-та-та-труба-та-та-та... Ну, и, может быть, желтые розы из нашей оранжереи. Я понимаю, цвет нетрадиционный, но грех их не использовать. В этом году они особенно прекрасны! Хадсон, пожалуйста, положите приборы для его преподобия. И проследите, чтобы за столом нас было четное количество. Если нечетное, пусть девочка обедает в детской. Итак, ваше преподобие, что вы думаете о... – Продолжая говорить, леди Джорджина вместе с викарием скрылась в столовой.

Как будто занимается подготовкой бала, усмехнулась про себя Белла.

За обедом леди Джорджина с викарием продолжили обсуждать обычные темы: деревенский праздник, погода, сплетни, привезенные с бала. Фергюс вместе со своей очаровательной невестой сидел на противоположном конце стола. Дугласу приятно было снова видеть леди Элспет. Если не знать про вчерашнюю трагедию, то невозможно догадаться, что в семье горе. Только леди Джорджина, казалось, понимала цель визита викария. Она непрерывно выдвигала новые идеи по поводу похорон, отчего тому было трудно сосредоточиться на лососевом муссе.

Когда она вновь подняла вопрос об использовании желтых роз, Ева ахнула:

– Так это же для свадьбы. Вы обещали их мне.

Разговоры в комнате мгновенно стихли. Ева посмотрела

на леди Инверкиллен, но та рассеянно глядела в окно.

– Ева, прекрати, – тихо урезонил невесту Фергюс, накрыв ее ладонь своей.

Белла наградила Еву гневным взглядом.

– У нас горе, а ты только и думаешь, что о своих свадебных цветах. Нашла время. – У этой девицы никаких понятий о приличиях. Торговка она и есть торговка. Что с нее возьмешь?

– Белла, – твердо произнес Фергюс, – она вправе расстраиваться. Ее свадьба откладывается, и...

– Откладывается?! – вскричала Ева.

– А что тебя так удивляет?! – вспылила Белла. – У нас в доме траур. Если ты не заметила, все одеты в черное.

Преподобный Малькольм невольно глянул на Ангуса и Хью. Те оба сидели за столом в белых теннисках.

Нельзя, чтобы семья ссорилась перед викарием, подумала Констанция. Он не умеет держать язык за зубами. К вечеру об этом будет судачить весь городок.

– Леди, прошу вас, не забывайте, что у нас гость.

Ева с силой швырнула салфетку на стол, так что Фергюс вздрогнул.

– Белла, мы, между прочим, уже заказали приглашительные открытки. О нашей свадьбе писали газеты. Как все это будет выглядеть, если свадьбу отложить?! – Ева почти кричала.

– Это будет выглядеть прилично и респектабельно, чего

не скажешь о твоём поведении!

Вся комната охнула.

– Леди, прошу вас! – спокойным, но громким голосом осадила их Констанция, выставив перед собой руки. – Как хозяйка этого дома, я требую... – Изложить свое требование она не успела, так как Белла и Ева вскочили на ноги.

– Констанция, ты не смеешь ничего требовать, – в ярости прошипела Белла. – Ты – не хозяйка этого дома.

– Отныне – хозяйка, – парировала Констанция. Она перевела дух, намереваясь продолжить, но Ева выбежала из столовой, хлопнув за собой дверь. Все ошеломленно застыли.

Видимо, перепалка и последовавшая затем внезапная тишина заставили леди Инверкиллен очнуться от своих грез.

– Давайте есть пудинг? – мягко предложила она, жестом веля Хадсону убирать со стола грязные тарелки.

Спустя шесть дней состоялись похороны. Из городка мало кто пришел проводить лорда Инверкиллена в последний путь, но несколько титулованных особ явились на погребение, из уважения к аристократии. Желтые розы вызвали всеобщее восхищение.

После церковной службы в Лок-Даун стали прибывать другие лорды и леди. Миссис Макбейн забеспокоилась: заметит ли кто-нибудь, что часть лакеев отсутствует? Из-за проклятой болезни их число уменьшилось с восьми до пяти, и ей пришлось подключить к обслуживанию гостей гор-

ничных. «Мы бы справились, — думала экономка, — если бы это сборище меньше увлекалось спиртным». Словно здесь не поминки, а торжественный прием. У них едва хватало рук, чтобы подавать блюда с напитками и убирать грязную посуду, а тем более ее мыть. От Ангуса толку было мало; он только и делал, что вливал в себя виски, словно от этого зависела его жизнь. Хорошо хоть Хью был рядом с ним. Лишь ему одному удавалось держать Ангуса в узде.

Его преподобие занял место у больших напольных часов, стоявших у самой двери в гостиную, — чтобы первым попробовать закуски, которые приносили из кухни. Если кто-то из гостей подходил к нему, он охотно пускался в разглагольствования. Причем порой так увлекался, что слюна и крошки летели у него изо рта, попадая на дамские декольте. Особенно не повезло графине Драйберг, и миссис Макбейн пришлось проводить ее в дамскую комнату на втором этаже, чтобы та привела себя в порядок. Экономка уже готова была пожалеть графиню, но та во весь голос заявила, что Сэйди, которую прислали ей в помощь, пыталась прямо с нее стащить драгоценности. Явиться на похороны в драгоценностях и декольте!

До миссис Макбейн, постоянно обходившей гостиную по краю, доносились обрывки разговоров. Ничего интересного, обычная светская болтовня аристократов. Леди обсуждали новые веяния моды, дорогие ожерелья и сплетни о любовных романах. Джентльмены занимали себя виски, рассказами об

охоте и похотливых горничных.

«Когда уже они уйдут?» – досадовала экономка. Им ведь, ко всему прочему, еще и ужин готовить, а все и так измотаны похоронами.

Лолис с врачом о чем-то напряженно беседовали. Они стояли в углу возле мраморной скульптуры обнаженной, созданной по заказу 12-го графа после его возвращения из поездки по Европе. Ходили слухи, что это изображена его любовница. Доктор опирался на статую, свесив руку с ее плеча, и не замечал, что его ладонь опасно близка к тому, чтобы обхватить грудь обнаженной девушки. Миссис Макбейн стало любопытно, о чем они шепчутся. Судя по их лицам, должно быть, о чем-то очень важном.

Пойду-ка поправлю шторы за ними, решила экономка, приближаясь к врачу и адвокату.

– Честное слово, не знаю, как сообщить эту новость, но это надо сделать завтра, – говорил Лолис, потягивая виски.

– Это абсолютно точно? Ошибки быть не могло? – спрашивал доктор столь же озабоченным тоном.

А заодно поправлю те цветы, пока я здесь.

– Нет, – вздохнул Лолис. – Макгрегор всегда точен. Этого у него не отнять.

Доктор сочувственно кивнул.

– Нельзя хотя бы ненадолго отложить? Дать им немного времени, чтобы прийти в себя?

Боже, как неряшливо лежат те журналы! Миссис Мак-

бейн принялась подравнивать последний номер «Кантри лайф».

– Я связан обязательствами. Спасибо Хэмишу. Он хотел, чтобы это было сделано именно так, и я по глупости согласился, – заявил адвокат, отхлебнув из бокала чрезмерно большой глоток виски.

Они вдруг оба обернулись и заметили экономку. Миссис Макбейн невинно улыбнулась им, продолжая наводить порядок на столе. Занервничав, мужчины поспешили прочь, словно нашкодившие школьники.

О чем это они говорили? Однако поразмыслить об услышанном миссис Макбейн не успела. Его преподобие опять подавился сэндвичем, и она бросилась ему на помощь. *Ну когда же вы все уйдете?*

Заскучав на поминках, Ева забрела в бильярдную и сразу взглянула на потолок. Неужели в этом доме не найдется ни одной комнаты, где не было бы тартана Инверкилленов? Она увидела Сесила, играющего в одиночку. Казалось, смерть брата мало его опечалила. Ева прислонилась к дверному косяку. И что это он напевает? Из Гилберта и Салливана¹³? Мелодию она не узнавала.

¹³ Гилберт и Салливан – либреттист Уильям Гилберт (1836–1911) и композитор Артур Салливан (1842–1900), сотрудничавшие в Викторианскую эпоху. В 1871–1896 гг. создали 14 комических опер, среди которых наиболее известными считаются «Корабль Ее Величества “Пинафор”», «Пираты Пензанса» и «Микадо».

– Что, надоел спектакль? Все эти крокодиловы слезы? – спросил Сесил, отпивая глоток бренди. – Играете? – Он жестом указал на бильярдный стол.

– Разве леди играют в бильярд? – улыбнулась Ева. Скользящей походкой она прошла к столу, взяла кий и уверенным движением положила в лузу трудный шар.

Сесил восхищенно присвистнул.

– Хм, не просто хорошенькое личико. – Несколько секунд он разглядывал Еву. – Так вы дочь Зандер-Биттерлинга? Знаете, мы много времени проводили в Лондоне. В период сезона¹⁴.

– «Мы»? – переспросила Ева, примерившись к следующему шару, который она ловко утопила в лузе.

– Отличный удар. Мы с моей покойной супругой. Маркизой Драйздейл. Чудесная женщина, из древнего рода. Дом в Сент-Джеймсе¹⁵. Очень удобно, вы не находите? Вокруг полно развлечений. Однако с вашим отцом мне встречаться не доводилось. Я буду очень удивлен, если у нас не найдется общих друзей. Мы с моей покойной супругой имели весьма широкий круг знакомств.

Ева умышленно промазала по шару и, отойдя к высокому

¹⁴ Светский сезон – май – август. Месяцы, когда высший свет и королевский двор находятся в Лондоне. Включает посещение скачек, проведение балов и т. д. Завершается проведением Каусской недели (ежегодная парусная регата в курортном г. Каусе на острове Уайт).

¹⁵ Сент-Джеймс – центральный район Лондона в Вестминстере, часть Уэст-Энда. Образовался в XVII в. как место жительства британской аристократии.

столику сбоку от стены, взяла с него хрустальный графин.

– Угощайтесь, прошу вас, – улыбнулся ей Сесил. – Осмелюсь предположить, это вы никогда не пробовали. «Берри бразерс» разливает этот бренди специально для меня.

Понюхав напиток, Ева повернулась к Сесилу и, пользуясь тем, что он сосредоточен на игре, стала его рассматривать. Человек другого поколения, отметила она, из тех, кто привык все делать как следует. Одет с иголочки, чего не скажешь о ее женихе, и гордится своей внешностью. Будь он ее возраста, она назвала бы его денди.

– Конечно, – продолжал Сесил, – особняк в Лондоне крошечный в сравнении с нашей основной резиденцией здесь – замком Странах. Слышали о таком? Молва гласит, это было место свиданий лорда Дарнли¹⁶.

Сесил принялся рассказывать историю лорда Дарнли, но Ева его почти не слушала, сконцентрировавшись на словах «замок» и «маркиза». Фергюс обходился без них, объясняя, какое место Сесил занимает в семье. Интересно почему?

На приеме после похорон леди Инверкиллен упорно смотрела в окно. А что она могла сказать? Ее муж умер. Да, это трагедия, но жизнь продолжается. Должна продолжаться. Само олицетворение величавой скорби, леди Инверкил-

¹⁶ Генри Стюарт, лорд Дарнли, герцог Олбани и граф Росс (1545–1567) – супруг королевы Шотландии Марии Стюарт, отец короля Англии и Шотландии Якова I (VI).

лен стояла в эркере голубой гостиной, едва заметно улыбаясь и кивая тем, кто выражал ей соболезнования. Говорила она мало – ровно столько, чтобы не показаться грубой со своими гостями. Наконец поприветствовав последнего из них, она вздохнула с облегчением и села на диван, строго напротив свекрови. С невозмутимым, но немного рассеянным видом леди Инверкиллен потягивала шампанское из бокала, на удивление некоторых, и по большей части глядела в окно. Леди Джорджине в очередной раз пришлось взять на себя роль хозяйки.

Да, они все потрясены. Он был еще так молод. Тяжелая утрата. Ангус станет замечательным 20-м графом. Да, свадьбу придется отложить, но мы надеемся, что ненадолго. Конечно, сельский праздник в этом году состоится. Хэмиш не захотел бы его отменять.

Для леди Инверкиллен все это было очень изнурительно, и она с радостью делегировала свои обязанности леди Джорджине. Та по природе своей куда больше подходила для выполнения этой задачи.

Лолис и врач подошли попрощаться. Леди Инверкиллен молча встала и проводила их к выходу. «Она как будто благодарна, что появился повод уйти с приема», – отметил Лоллис. Он упомянул, что завтра ему необходимо встретиться со всей семьей, и спросил, можно ли приехать на чаепитие. Леди Инверкиллен неопределенно кивнула и побрела в ору-

жейный зал.

Лолис озадаченно посмотрел на доктора. Она вообще слышала, что он ей сказал? Но, к счастью, Хадсон стоял рядом, подавая им шляпы, и заверил адвоката, что завтра после обеда господу будут его ожидать. Втроем они наблюдали, как леди Инверкиллен остановилась у двери в гостиную, сомневаясь, стоит ли возвращаться к гостям. Из гостиной слышался кашель поперхнувшегося викария. Леди Инверкиллен развернулась и стала медленно подниматься по лестнице, что-то тихо напевая себе. «Править бал» в свое отсутствие она предоставила леди Джорджине.

Имоджен Маклауд смотрела на сидевшего за рулем Лолиса. Она была его новой секретаршей, и тот попросил, чтобы она поехала с ним в поместье Лок-Даун и делала записи на оглашении завещания Хэмиша.

Нервничает, отметила Имоджен. Интересно почему? Для него эта процедура не в новинку.

А потом она вспомнила, как мистер Лоллис встречался с бухгалтером мистером Макгрегором. Они почти целый день совещались за закрытыми дверями, но по их лицам она определила, что новости не самые приятные. Потом ей было велено отменить все его встречи и принести завещание лорда Инверкиллена. Теперь все становилось понятно.

Хадсон провел их в библиотеку, где Инверкиллены пили чай. Имоджен заметила, что появление адвоката их удивило.

Они явно решили, будто он приехал со светским визитом. Леди Джорджина пригласила гостей к столу. Она не сводила глаз с Имоджен, пытаясь определить, кто она такая. Им особенно рекомендовали ореховый торт.

– Нет, спасибо, я здесь по другому делу. Приехал огласить завещание лорда Инверкиллена.

«Теперь пути назад нет», – подумала Имоджен.

По комнате прокатилась волна непонимания. Несколько человек опустили чашки.

– Что, прямо сейчас? – гневно воскликнул Фергюс, переводя взгляд с Лолиса на Имоджен и обратно. – На следующий день после похорон? Это в порядке вещей?

– Лорд Инверкиллен распорядился, чтобы это было сделано сегодня, и я связан данным ему обещанием. Итак, я должен зачитать завещание и обсудить с вами ряд вопросов. – Адвокат жестом показал на чайный столик. Хадсон быстро убрал поднос, и Лолис поставил туда свой портфель.

Имоджен выдвинула стул и достала свой блокнот. Подняв голову, она увидела, что Фергюс по-прежнему смотрит на нее. Она чуть покраснела и опустила взгляд, приготовившись вести протокол.

Лолис вытащил несколько листов с машинописным текстом, просмотрел их и сложил в ровную стопку, кашлянул, прочищая горло.

– Давайте уже, начинайте! Не сидеть же нам здесь целый день! – рявкнул Ангус, который, очевидно, чай не пил. Леди

Джорджина тихо успокоила его.

Лолис приступил к чтению завещания.

Айрис было очень скучно. В книгах это всегда описывается более волнующе. Она жалела, что до оглашения не успела налить себе еще чаю. Сидя с отсутствующим видом, девушка глянула в окно. Это там дети на газоне? Ну, конечно, никто за ними не смотрит. О боже. Может, выйти потихоньку и завести их в дом? Нет, пожалуй, будет много шума. Что это они там тащат? Оленью голову? Ох... беда с ними.

Отведя взгляд от окна, Айрис заметила, как многие подавляют зевоту и лица у всех отсутствующие. Значит, не она одна умирает от скуки. Наконец, через несколько минут Лолис сделал паузу и демонстративно прокашлялся. Все настояжились, догадавшись, что пришло время узнать, кому что завещано.

Распределение наследства во многом соответствовало их ожиданиям, по крайней мере вначале.

Леди Инверкиллен, Виктория, получала щедрое содержание до конца жизни и все драгоценности, что покупал ей муж. Семейные драгоценности, как всегда, переходили к очередной графине Инверкиллен, то есть к Констанции. Та просияла от радости. Однако Драммонд-Хаус оставался во владении леди Джорджины до самой ее смерти. Кто-то резко втянул в себя воздух. Все взгляды обратились на леди Инверкиллен. Почивший супруг фактически лишил ее крова. Либо она останется в Лок-Дауне на милости у Констанции,

либо ей придется жить под властью леди Джорджины, если та, конечно, соизволит выделить ей комнаты. Айрис затруднялась решить, какой вариант хуже.

Лолис продолжал. Ангус, разумеется, наследовал титул, дом и поместье.

Практически все, заключил Фергюс с горечью, неожиданно для самого себя. Таков удел вторых сыновей в аристократических семьях. Скорее проклятие, подумал он, глянув на Хью. Фергюс всегда ему сочувствовал. Хью приходилось жить в Лок-Дауне, а не у себя дома, потому что у него тоже был старший брат. Впрочем, его это, кажется, не особенно волновало.

Лолис на мгновение умолк, сделав глубокий вдох. Имоджен чувствовала, как тот нервничает. Ей это казалось странным, но она не отрывала глаз от блокнота со своими стенографическими записями. Лолис перешел к оглашению имен трех человек, которым были завещаны ежегодные выплаты в размере равных сумм: Фергюс, Белла и... Айрис.

В комнате наступила мертвая тишина.

Имоджен оторвала глаза от записей и увидела, что Инверкиллены, все как один, смотрят на Айрис, а та, судя по ее виду, готова была сквозь землю провалиться. Часы в холле пробили четверть часа, и в библиотеке поднялся крик.

Кричали на Лолиса. На Айрис. На Имоджен, словно она имела к этому какое-то отношение. В городке поговаривали, что господа из Лок-Дауна чуть что принимают орать, но...

чтобы так вопить...

С какой стати ей что-то завещано? Она же просто воспитанница. Лолис, как ты это допустил? Это какая-то ошибка, она ведь даже не член семьи! Я не собираюсь делить с ней свое наследство. Ты не получишь ни пенни, помани мое слово. Наверняка она вынудила его обманом. Да, по доброй воле он не оставил бы ей денег.

Как ни странно, сдержанно себя вели только двое: леди Джорджина и леди Инверкиллен. Первая с несколько смущенным видом теребила на коленях ажурный носовой платок. Вторая разглядывала Айрис с непонятым выражением на лице, которому Имоджен не удавалось подобрать определение. Любопытство? Нет, пожалуй, не совсем. К любопытству примешивалось что-то еще. Имоджен казалось, будто леди Инверкиллен видит Айрис в первый раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.